

М. Ю. Крапивин*

Архиепископ Варнава (Накропин) и религиозная политика ВЧК: 1918–1922 годы

После Октябрьской революции осуществление государственной религиозной политики, направленной на искоренение религии, фактически находилось в руках Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров РСФСР (ВЧК; образована 20 декабря 1917 г., 6 февраля 1922 г. полномочия переданы Государственному политическому управлению (ГПУ) при НКВД РСФСР)¹. В 1918–1920 гг. ВЧК устанавливала контакты с теми представителями Русской Православной Церкви, которые, по мнению сотрудников госбезопасности, подходили на роль разрушителей церковного единства. Главная ставка (по крайней мере первоначально) делалась на авантюристов — на тех выходцев из духовной среды, кто были недовольны своим положением и были готовы для достижения личных целей идти на соглашение с советской властью. Первым среди архиереев Русской Церкви связи с ВЧК установил бывший Тобольский архиепископ Варнава (в миру Василий Александрович Накропин).

Василий Накропин родился в 1859 г. в Олонецкой губернии в крестьянской семье. В 1897 г. он был пострижен в монашество, в 1898 г. рукоположен во иеродиакона, затем во иеромонаха. В 1904 г. возведен в сан игумена, в 1905 г. — в сан архимандрита. Начиная с 1899 г. последовательно назначался настоятелем ряда российских монастырей. По рекомендации Г. Е. Распутина архимандрит Варнава, не имевший богословского образования, 28 ноября 1911 г. был хиротонисан во епископа Каргопольского, викария Олонецкой губернии², 2 ноября 1913 г. стал епископом Тобольским и Сибирским, 5 октября 1916 г. был возведен в сан архиепископа. 7 марта 1917 г. по требованию Временного правительства Варнава был удален с Тобольской кафедры, 8 марта уволен, согласно прошению, на покой с назначением управляющим

* © Крапивин М. Ю., 2011

Михаил Юрьевич Крапивин, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

на правах настоятеля Высокогорским Воскресенским монастырем в Арзамаском уезде Нижегородской губернии.

Зимой—весной 1918 г. Варнава «приезжал просить у Патриарха какой-нибудь монастырь в управление в Москве или около Москвы, в частности Новый Иерусалим в г. Воскресенске, или о возвращении епархии в управление, каковой он был лишен незаконно». Однако «все ходатайства его были отклонены»³. 9 июня 1918 г.⁴ по распоряжению из столицы архиепископ Варнава был арестован близ Арзамаса местными органами ЧК и препровожден в московскую Бутырскую тюрьму⁵.

Арест архиепископа Варнавы был проведен в рамках следствия по делу настоятеля московского Покровского собора на Рву (собора Василия Блаженного на Красной площади) протоиерея мч. Иоанна Иоанновича Восторгова (1864–1918 гг.)⁶. 22 мая 1918 г., во время возглавляемого Патриархом Тихоном крестного хода от Покровского собора к образу свт. Николая на Никольской башне Кремля протоиерей Иоанн Восторгов призвал москвичей защищать православную веру. Вечером 30 мая о. Иоанн был арестован (по другим сведениям это произошло 31 мая или 2 июня). Через 2 недели ВЧК информировала читателей «Известий ВЦИК»: «Мы арестовали их как уголовных преступников... Однако ход следствия показал, что эти же самые уголовные дельцы попутно вели определенную черносотенную работу... Из следствия выяснилось, что многие из видных представителей духовенства, принадлежащих к группе восторговцев, вели работы по реставрации старого строя, находясь в связи с членами династии Романовых... Чрезвычайная комиссия далека от мысли преследовать людей за их религиозные убеждения. В Советской России обеспечена полная религиозная свобода убеждений каждого. Ни один священник, епископ и т. д. не был и никогда не будет арестован только за то, что он духовное лицо. Но вместе с тем для нас совершенно безразлично, кто подкапывается под рабоче-крестьянскую революцию — духовные или светские лица: мы одинаково будем бороться со всеми врагами Советской власти, и не наша вина, что некоторые представители даже высшего духовенства активно участвуют в контрреволюции»⁷. Согласно версии ВЧК, протоиерей Иоанн Восторгов по благословению Патриарха ради пополнения патриаршей казны пытался продать уже не принадлежавший Церкви (в силу действия декрета об отделении Церкви от государства в части национализации церковного имущества) дом Московского Миссионерского общества. Покупателем выступал петроградский 1-й гильдии купец-миллионер П. Я. Погарев. Утверждалось, что часть вырученных денег должна была попасть к находившемуся под арестом Николаю II; кроме того, после сделки будто бы предполагалось создать фонд «на восстановление монархии в России». Анализ материалов уголовного дела дает основания считать, что несостоявшийся покупатель Погарев являлся секретным сотрудником ВЧК, а сама сделка, инициированная Погаревым, представляла собой чекистскую провокацию, ставившую своей целью среди прочего скомпрометировать Святейшего Патриарха Тихона, протоиерея Иоанна Восторгова и других авторитетных представителей духовенства⁸.

К середине июня следствие было завершено. В обвинительном заключении от 20 июня 1918 г., составленном следователем ВЧК Косаревым⁹ (одобренным заведующим Отделом по борьбе с контрреволюцией ВЧК М. И. Лацисом¹⁰ и заведующим следственной частью того же отдела А. И. Ротенбергом) говорилось: «Просмотренный материал, имеющийся в распоряжении следствия, доказывает об их активной деятельности и заданиях ниспровергнуть существующий строй и восстановить династию Романовых... избрав своей специальностью пропаганду среди стоящего на низком уровне развития крестьянства и религиозных фанатиков. Если бы эта организация не была прервана их арестом, то, несомненно, они со временем достигли бы своей цели. Их разлагающая деятельность была одной из самых опаснейших. Будучи убежденными монархистами, безусловно, при первой возможности будут продолжать свою деятельность. Поэтому предлагаю применить к ним высшую меру наказания»¹¹.

29 июня в «Известиях ВЦИК» появилось очередное сообщение по делу «попов-спекулянтов»: «Вчера президиум Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией имел окончательное суждение по этому делу... Президиум признал установленным преступную спекуляцию духовно-черносотенной компании по продаже дома Миссионерского общества и контрреволюционную деятельность восторговской группы. Данные настолько вески и неопровержимы, что по революционным законам лица, виновные в подобных преступлениях, подлежат высшей административной каре. Однако ввиду исключительно важного политического значения настоящего дела президиум ВЧК... постановил передать дело в революционный трибунал для гласного судебного разбирательства. Вынося подобные постановления, президиум ВЧК исходил из того соображения, что преступление высших духовных лиц православного духовенства должно быть достоянием гласности, чтобы сами верующие могли иметь беспристрастное суждение о степени соответствия их пастырей своему пастырскому долгу»¹².

К концу лета 1918 г. обстановка в стране серьезно изменилась. После ряда покушений на высокопоставленных партийных советских функционеров 2 сентября 1918 г. «на совместном совещании ВЧК, районных ЧК Москвы, в присутствии наркома юстиции и представителя президиума ВЦИК» было принято решение, предписывавшее: «2. Арестовать как заложников крупных представителей буржуазии, помещиков, фабрикантов, торговцев, контрреволюционных попов, всех враждебных Советской власти офицеров и заключить всю эту публику в концентрационные лагеря, установив самый надежный караул, заставляя этих господ под конвоем работать. При всякой попытке сорганизоваться, поднять восстание, напасть на караул немедленно расстреливать. 3. Всех лиц, содержащихся за губернским ЧК, уездными ЧК до сего времени и у которых было найдено огнестрельное оружие, взрывчатые вещества, расстрелять немедленно по постановлению ЧК на местах, а также расстрелять всех лиц, явно уличенных в контрреволюционных заговорах, восстаниях против Советской власти»¹³. 5 сентября 1918 г. Совет народных комиссаров (СНК) подтвердил полномочия ВЧК, постановив, что «подлежат расстрелу

все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам»¹⁴. 4 сентября 1918 г. Следственная комиссия революционного трибунала при ВЦИК постановила ликвидировать дело отца Иоанна во внесудебном порядке. 5 сентября (23 августа) были расстреляны протоиерей Иоанн Восторгов, а также видные деятели царской России (арестованные еще Временным правительством): сенатор, бывший товарищ министра внутренних дел С. П. Белецкий, бывшие министры внутренних дел Н. А. Маклаков и А. Н. Хвостов, последний председатель Государственного совета И. Г. Щегловитов.

* * *

Между тем архиепископ Варнава, арестованный, по официальной версии, в связи с делом протоиерея Иоанна Восторгова¹⁵, по-прежнему находился в Бутырской тюрьме. 14 сентября 1918 г. Президиум ВЦИК высказался (протокол № 12) «по делу епископа Ефрема¹⁶, епископа Варнавы и священника Варжанского¹⁷, арестованных в связи с делом Восторгова», и утвердил текст постановления следующего содержания: «Принимая во внимание, что, как видно из следственного материала по делу епископа Ефрема и Варнавы, а также священника Варжанского, указанные лица явились активными деятелями заговора в пользу монархической реставрации, действовали все время с Восторговым по соглашению с ним, что следственный материал дает обильный материал для обвинения их в активной контрреволюционной деятельности, Президиум ВЦИК постановляет изъять указанные выше дела из революционного трибунала при ВЦИК и передать их во Всероссийскую чрезвычайную комиссию для ликвидации этих дел внесудебным порядком»¹⁸.

В этих обстоятельствах архиепископ Варнава написал заявление в Президиум ВЧК с просьбой вызвать его к следователю¹⁹ и под запись сделал несколько скандальных заявлений. Архиерей сообщил чекисту о своей готовности всемерно поддерживать советскую власть, сотрудничать с ВЧК в качестве информатора, о желании создать «церковь, стоящую за большевистскую власть». Заявление Варнавы, в котором содержались клеветнические выпады против многих видных православных иерархов, сразу же было опубликовано рядом центральных газет. «1918 года 19 сентября я, Н. А. Скрыпник, заведующий отделом по борьбе с контрреволюцией ВЧК²⁰, допросил вызвавшегося на допрос бывшего архиепископа Варнаву, который показал: «Заявляю, что я никакого неудовольствия на свое содержание не могу заявить. Говорили, что в Чрезвычайной комиссии прямо в ступе толкут, а я на самом деле увидел, что обращение, наоборот, вежливое и вполне внимательное. На пищу я не могу заявить претензии, хотя и не особенно много, но всегда была. Хочу заявить, что я как сын крестьянина не являюсь противником Советской власти, а наоборот, хотел с нею работать. В Арзамасе я прямо заявил перед толпой, чтобы все шли в Красную армию: раз правительство образовалось, ему надо повиноваться и идти в армию, которую оно образует. Сам я из простого народа и всегда был в трениях с богатыми епископами. Именно они идут против народа. Их и надо забирать, и я все время ожидал, что приведут

в тюрьму толстопузых епископов из купечества или из чиновников. Этих долгогривых и надо забирать, потому что они идут против рабочих. Я хочу работать с большевиками, большевики ведь не идут против веры, а простому народу, кто верит, надо идти с большевиками, потому что они стоят на правильном пути, а за то, что происходит что-нибудь плохое, нельзя большевиков винить, потому что в этом причина всего прежнего строя. Я хочу работать вместе с большевиками, и уже давно я разошелся со своими, которые всегда были против меня, потому что я из простого народа прошел в архиепие. Особенно пошли против меня, когда я в проповедях высказался за Советскую власть. Я хочу сказать, что расстрелять меня Советская власть всегда сможет, когда признает необходимым. Теперь же я предлагаю Советской власти свои услуги, для того чтобы воздействовать на тех, кто восстает против Советской власти, и привести их к соединению со всеми трудящимися. Против Советской власти я никогда не пойду. Советскую власть я признаю выше и лучше всякой другой, какая была до сих пор, и готов за нее умереть. А если собор или патриарх задумают отлучить меня от церкви, я не буду обращать на это внимание, потому что я готов порвать со всеми для простого народа и для Советской власти. В ответ на отлучение от церкви собором я призову всех священников и архиереев, стоящих за простой народ, восстановить церковь без тех, кто сейчас самовольно и незаконно засел в собор и хочет решать дела церкви. Тогда будет настоящая церковь, стоящая за простой народ, со священниками и архиереями, признавшими Советскую власть и большевиков. Только таки[х] архиереев я буду назначать. Здесь я призову архиепископа Владимира²¹, который отлучен собором, и вместе с ним поставлю новых епископов, для того чтобы бороться за Советскую власть. Смерти я не боюсь и не дрожу за жизнь, но я хочу поработать для простого народа и предложить свои силы и свое архиепископское звание для работы для Советской власти и большевиков. Именно для того, чтобы заявить все это, я и просил вызвать меня теперь. Все записано правильно с моих слов. Архиепископ Варнава»».

«1918 года 21-го сентября я, Н. А. Скрыпник, заведующий отделом по борьбе с контрреволюцией, допросил архиепископа Варнаву, который показал: «Соборные епископы два месяца толковали о том, можно ли прибавить 100 рублей в год дьячку, а сами получают с монастырей многие тысячи. Все они получают десятки тысяч в год и теперь боятся лишиться своих доходов. Именно поэтому они и идут против Советской власти и натравливают народ против большевиков. Я жил в Арзамасе и сам был далек от всего, но слышал не раз, что соборяне собирают средства в фонд восстановления России или другой фонд подобного названия. Действовал в этом направлении Восторгов. Слышал также, что действовал также и Самарин²², но он действовал особо, он устраивал какую-то организацию. Сам я подробно не знаю, но обо всем этом подробно может рассказать священник Неофит Любимов²³, который теперь сидит в Бутырках. Я думаю, что он расскажет все, потому что он обижен Самариним. Он говорил мне, что Самарин втравил его в панихиду по Николае Романове, а сам затем оставил его и скрылся из Москвы. К сожалению,

я не знаю, кто именно участвовал в белогвардейской организации или в других организациях, идущих против Советской власти, но я берусь узнать, если мне дадут возможность вести деятельность на свободе, и все, что я узнаю, сообщу Чрезвычайной комиссии. И не только я один, но и все, кто не пойдет за собором, а за церковь, стоящую за большевистскую власть. Думаю, что может много рассказать сидящий в Бутырках Борис Владимирович Назаревский²⁴. Повторяю, что я целиком хочу идти за Советскую власть. Предоставьте мне какую-нибудь церковь в фабричном районе, дайте мне отслужить богослужение и сказать проповедь, и ко мне пойдут многие. Пензенский архиепископ Владимир и архимандрит Олег и, я уверен, Скворцов²⁵ тоже, он будет очень полезен. Пол-России пойдет за мною, и я их приведу к большевикам, потому что я думаю, что только большевики могут спасти Россию»²⁶.

Как правило, публикации данных протоколов в газетах (кстати, текстуально зачастую весьма разнившихся между собой²⁷) сопровождалась комментариями, авторы которых, отмечая, что разоблачения Варнавы «заслуживают особого внимания», подчеркивали: «Нельзя верить в искренность признаний этих “шкурников”». В «Известиях чрезвычайных комиссий» журналист, скрывшийся за инициалами Я. К., утверждал: «Показания Варнавы приобретают исключительный интерес, ибо черносотенная деятельность духовенства, сплотившегося вместе с белогвардейцами против рабоче-крестьянского правительства, ими представлена в истинном свете... Но к этим показаниям и предложению услуг в организации Советской православной церкви нельзя отнестись с доверием. Прошлое нам говорит о том, что такие “сторонники” Советской власти, как архиепископ Варнава, восторженные дифирамбы пели и старому самодержавному строю и что столь поспешная перемена позиции не находится ли в зависимости от “шкурных” вопросов: прикрываясь ярлыком сторонника Советской власти, чтобы избежать ожидаемого наказания? Как известно, архиепископ Варнава был арестован по делу фиктивной продажи церковного дома (дело Восторгова), по аресту бывших деятелей старого режима и по обвинению в сношениях с белогвардейцами. Кроме того, нужно отметить поведение Варнавы во время допроса. Слабым, безжизненным голосом, [с] видом умирающего он начал излагать свою новую позицию, а потом, когда увлекся своим планом организации Советской православной церкви, проявил силу и темперамент не слабого проповедника²⁸. Характерно и то, что он теперь, будучи заключенным, очень часто ссылается на рабочих и рабоче-крестьянское правительство как на достойный пример и “лучшую власть, какая до сих пор была”. Кроме того, вызвавшийся на допрос Варнава хотел подчеркнуть, что он далек от антисемитизма, что евреев он считает хорошими людьми: во время заключения его покинули все бывшие сторонники, никто его не навещал, за исключением одного еврея, который принес ему пищу... Варнава решил жертвовать всем — всеми связями “всесильных” духовного мира, приподнять завесу темных деяний отцов церкви и принять даже отлучение от церкви, но горько ошибся, ибо рабоче-крестьянское правительство не изменит своей принципиальной точки зрения на отношения церкви и государства»²⁹.

«Известия ВЦИК» были убеждены, что «нравственный авторитет этих князей церкви стал отрицательной величиной и со вчерашнего дня в глазах самых широких слоев населения. Сами князья церкви, если их столкнуть лбами, делают порою пикантные заявления... Епископ Варнава хотел, по-видимому, рассказав правду о князьях церкви, подчеркнуть свою непричастность к их мерзким деяниям. Последнее может вызвать только улыбку на устах всякого здравомыслящего человека... Зная прошлое Варнавы, нельзя не подчеркнуть, что его разоблачения заслуживают особого внимания. Впрочем, рабочие и крестьяне уже давно знают цену “лжедуховным пастырям”. Но теперь должны прозреть, кажется, и слепые»³⁰.

Важное значение приобрела публикация заявлений архиепископа Варнавы в газете «Беднота», рассчитанной на широкие непартийные массы трудящихся. В данной газете протоколам предшествовало следующее введение: «Вслед за саботажниками-чиновниками часть духовенства предлагает Советской власти свои услуги. Советская власть обеспечивает законом полную свободу веры и богослужения, но никакие поповские услуги ей не нужны. “Советские” и “коммунистические” попы... Как отнестись к таким непрошеным союзникам из поповской среды? Прежде всего с полным правом следует заподозрить искренность новых приверженцев советской власти. Прочтите внимательно помещаемые ниже протоколы допроса архиепископа Варнавы... Вы без труда увидите, что почтенный пастырь перетрусил. Тщится изобразить из себя защитника “простого народа”, врага “богатых епископов” и на том выехать: свалить своих соперников и устроить свое личное дельце. Чем дальше, тем больше убеждаются попы, что народ от них отворачивается, а с тем вместе уплывают доходы. И вот они прикидываются радетелями народными. Подпустите-ка их с благословением Советской власти к рабочим да крестьянам, они будут засорять массам головы разными “советскими аллилуйями” да “советскими молитвословиями”. И религия соблюдена, и карман цел! Но конечно, могут оказаться, особенно среди низшего духовенства, и люди вполне искренно становящиеся на сторону Советской власти и коммунистической партии. Таким мы должны сказать вот что. Может быть советская школа, советский театр, советская армия, советский писец, советский хлеб, сахар — что угодно! Но ни советского попа, ни советской церкви быть не может... Советское государство, советская власть тем и отличается от всякой другой, что она ни малейшим образом не связывает себя ни с какой религией, ни с какой церковью»³¹. Газета «Правда» привела реплику Н. А. Скрышника, проводившего допрос Варнавы: «Из протокола вы, разумеется, видите, что хочет этот господин. Советские власти не имеют, конечно, никакой охоты устраивать официальную церковь... Отношение [Чрезвычайной] комиссии к епископу Варнаве определяется исключительно его вредом или безопасностью для Советской власти, а отнюдь не его показаниями»³².

Публикация протоколов допросов архиепископа Варнавы не прошла мимо священноначалия. Святейший Патриарх и Священный Синод 11 октября 1918 г. «имели суждение по предмету заявлений архиепископа бывшего Тобольского Варнавы, сообщенных в газетах от 25/12 сентября сего года.

Постановлено [№ 842]. Ввиду обнаружения со стороны архиепископа бывшего Тобольского Варнавы в его заявлениях... попрания священных канонов и архиерейского достоинства запретить его, архиепископа Варнаву, в священнослужении с воспрещением ношения пангии, возложения мантии и преподавания благословения и предписать ему представить объяснения по предмету означенных его заявлений»³³. Предполагалось, что «распоряжение Священного Синода будет» объявлено Варнаве через священника Бутырской тюрьмы, но сделать это не удалось³⁴. 16 декабря 1918 г. в Священный Синод поступил рапорт (№ 9521) Нижегородского и Арзамасского архиепископа Евдокима³⁵, который ходатайствовал «об увольнении от управления Арзамасскою Высокогорскою пустыню управляющего на правах настоятеля оной архиепископа бывшего Тобольского Варнавы. Архиепископ Варнава давно уже в пределах Нижегородской епархии не проживает. Местопребывание Преосвященного неизвестно. Неизвестно даже, жив он или умер». 21 декабря 1918 г. ходатайство было удовлетворено³⁶.

В 1-й половине сентября 1918 г. в связи с увеличившимся в следственном производстве ВЧК количеством дел на «контрреволюционное духовенство» и с отсутствием в аппарате ВЧК квалифицированных специалистов, способных вести работу «по церковной линии», руководство ВЧК обратилось за помощью в Народный комиссариат юстиции (НКЮ). Комиссариат направил в распоряжение ВЧК (поручения НКЮ № 1364/11953 и 11955 от 18 сентября 1918 г. и VIII отдела НКЮ № 247 от 18 сентября 1918 г.) юрисконсульта VIII отдела НКЮ Н. Н. Липкина-Копейщикова. 12 декабря 1918 г. Липкин-Копейщиков докладывал собственному начальству о промежуточных результатах своей работы: «Будучи командирован предписаниями Народного комиссариата юстиции в качестве юрисконсульта-эксперта во Всероссийскую в Москве и Петрограде чрезвычайные комиссии, мне удалось, во-первых, всесторонне ознакомиться с имеющимся в производстве комиссий материалом по контрреволюционному движению и выступлениям духовных кругов, а во-вторых, при посредстве следственного аппарата комиссий предпринять исследование в этой области на местах»³⁷.

28 ноября 1918 г. Липкин-Копейщиков, прикомандированный, согласно удостоверения ВЧК от 26 ноября за № 6561, «к Отделу К-Р. ВЧК для производства следствия по делам духовенства», допросил в больнице при Бутырской тюрьме архиепископа Варнаву, который показал: «[Я] проживал в монастыре близ Арзамаса, арестован 27 мая ст[арого] стилия, по чьему предложению, мне не известно. Со времени Октябрьского переворота не только никогда не выступал против Советской власти, но, по крайнему моему разумению, считаю власть эту правильной и народной... Тов[арищ] Ленин явится вторым Моисеем, выведшим народ ко спасению. Советскую власть приветствовал и по долгу служителя Церкви всегда был в недоумении, почему служители Церкви находили возможным в молитвах поминать всяческую существующую власть и только власть советов с первых же пор решили в молитвах не поминать. Когда окрестные крестьяне обращались ко мне по вопросу о вступлении в ряды Красной армии, я всегда с открытым сердцем благословлял идущих в ряды армии»³⁸.

26 декабря 1918 г. Липкин-Копейщиков направил в Отдел по борьбе с контрреволюцией ВЧК докладную записку, в которой рекомендовал, «применив амнистию по поводу октябрьских торжеств», освободить архиепископа Варнаву (наряду с прочими 18 лицами духовного звания, заключенными в Бутырках), дело о нем производством прекратить³⁹.

Впрочем, позиция Липкина-Копейщиков не имела в освобождении Варнавы из-под стражи решающего значения. Роль спасителя по отношению к архиепископу сыграл Алексей Фролович Филиппов⁴⁰, сотрудник ВЧК, в то время доверенное лицо Ф. Э. Дзержинского и с августа 1919 г. председатель учрежденного им «Исполнительного комитета по делам духовенства всея России (Исполкомдуха)».

* * *

А. Ф. Филиппов родился в 1868 г. (по другим, менее достоверным сведениям, в 1870 г.), в Могилевской губернии, в семье еврея-кантониста, принявшего православие. Окончив юридический факультет Московского университета с золотой медалью, в дальнейшем он избрал профессию журналиста и издателя. Слыл скандальным газетчиком, за что неоднократно приговаривался к тюремному заключению; по свидетельствам современников, шантажировал банки и компании, угрожая публикацией компрометирующих сведений. После переезда в 1912 г. в Санкт-Петербург основал в столице на кооперативных началах «Банкирский дом народного труда» (и при нем товарищество с участием рабочих). Политические взгляды Филиппова дореволюционного периода могут быть охарактеризованы как державно-националистические (симпатизировал октябристам), одно время был близок к обер-прокурору Святейшего Синода К. П. Победоносцеву, входил в окружение Г. Е. Распутина, благодаря чему, возможно, познакомился с Варнавой (Накропиным). После февраля 1917 г. Филиппов открыто поддержал РСДРП(б), подчеркивая государственнический и народный характер идей большевизма. В декабре 1917 г. при посредничестве А. В. Луначарского Филиппов познакомился с Ф. Э. Дзержинским. В дальнейшем добровольно и, кажется, безвозмездно сотрудничал с ВЧК под псевдонимом «Арский», в частности передавая информацию, собранную в российских предпринимательских кругах, выступал в качестве эксперта при создании чекистской контрразведки. Филиппов пользовался большим доверием Дзержинского, выполнял его личные поручения сначала в качестве секретного сотрудника при Президиуме ВЧК, затем будучи штатным сотрудником Отдела для борьбы с преступлениями по должности⁴¹. В начале 20-х гг. XX в. Филиппов стал мужем родной сестры Ф. Э. Дзержинского Я. Э. Кушелевской (1871–1949 гг.)⁴². Принципиально оставаясь беспартийным, Филиппов давал повод некоторым чекистским и партийным функционерам (М. Урицкому и Н. Крестинскому) подозревать себя в двурушничестве. Летом 1918 г. такого рода подозрения даже повлекли за собой арест (8 июля — 1 сентября), произведенный по ордеру, выданному Петроградской ЧК⁴³.

В 1919 г., в тяжелейший для Советской республики период Гражданской войны, перед органами госбезопасности встала задача формирования отдельного направления деятельности, связанного с религиозными организациями. В начале августа 1919 г. Филиппов с согласия Президиума ВЧК выступил с инициативой учреждения «Исполнительного комитета духовенства на основах коммунистического строя», почти сразу же переименованного в «Исполнительный комитет по делам духовенства всея России (Исполкомдуха)». Костяк новой структуры составляли миряне: старосты московских храмов В. Е. Коновалов (товарищ Председателя), Сытин и другие, профессор богословия и церковной истории С. Г. Рункевич⁴⁴, представитель Московского епархиального совета Н. П. Вышеславцев⁴⁵, [И. И. (?)] Никитин и Н. (по другим сведениям — И.) Прудников («общеизвестные знатоки в области церковного устройства»), Сычев — коммунист, сотрудник волостного совдепа, «хороший народный оратор» (в прошлом рабочий московского кожевенного завода). Со временем к работе в «Исполкомдухе» были привлечены священнослужители нескольких христианских конфессий: единоверческий архимандрит Никандр, лютеранский пастор Зигфрид⁴⁶, настоятель нескольких московских католических костелов Михаил Цакуль⁴⁷, католический священник восточного обряда Владимир Абрикосов⁴⁸. В марте 1920 г. экзарх Русской греко-католической Церкви протопресвитер Л. Федоров⁴⁹ ездил из Петрограда в Москву для участия в работе «Исполкомдуха», но вскоре отказался стать почетным председателем петроградского отделения комитета и выступил против его деятельности.

Как свидетельствовал 17 сентября 1919 г. Филиппов, «в личной беседе со мной Патриарх Тихон вполне определенно говорил на тему необходимости ввести в жизнь такой исполком, который смягчил бы существующие трения и устранил бы недоразумения между представителями Советской власти и духовенством»⁵⁰. После нескольких личных встреч Филиппова с Патриархом, 21 сентября 1919 г. Святейшего посетила делегация «Исполкомдуха» из 3 человек, которая обсудила с Патриархом возможности тех или иных форм сотрудничества на персональном уровне⁵¹. Упоминались, в частности, митрополит Кирилл (Смирнов), митрополит Сергей (Страгородский)⁵², архимандрит Иларион (Троицкий)⁵³. В итоге остановились на кандидатурах архиепископа Никандра (Феноменова)⁵⁴ и протопресвитера Н. А. Любимова⁵⁵. Функции почетного председателя «Исполкомдуха» согласился исполнять Петроградский митрополит Вениамин (Казанский)⁵⁶.

Первым серьезным успехом «Исполкомдуха» было подписание 8 октября (25 сентября) 1919 г. Патриархом Тихоном послания о невмешательстве духовенства в политическую борьбу, в котором Святейший, предостерегая российских архипастырей и пастырей от поспешности в принятии важных стратегических и ситуативных решений, напоминал им, что «установление той или иной формы правления не дело Церкви, а самого народа». Церкви не следует связывать себя с определенным образом правления, а священники «должны памятовать канонические правила Святой Церкви, коими она воз-

браняет своим служителям вмешиваться в политическую жизнь страны, принадлежать к каким-либо партиям, а тем более делать богослужebные обряды и священнодействия орудием политических демонстраций». При этом Патриарх выразил твердую убежденность, что «никакое иноземное вмешательство... не спасет России... пока сам народ не очистится... от многолетних язв своих»⁵⁷.

Как свидетельствовали впоследствии (на допросе 2 и 5 марта 1923 г.) архиепископ Никандр и Патриарх Тихон, основной целью издания послания к духовенству о невмешательстве в политику и подчинении властям было стремление избавить духовенство от репрессий с той и другой стороны «за активное участие в гражданской войне». В тексте послания «не говорилось прямо о подчинении советской власти, а было сказано о подчинении сущим властям потому, что духовенство находилось на территориях разных лагерей, и при крайней изменчивости фронтовой полосы духовенство находилось под наличной в данном месте властью»⁵⁸.

Решение о подготовке текста послания было принято на заседании Президиума «Исполкомдуха» 1 октября 1919 г. по инициативе А. Ф. Филиппова⁵⁹. Вслед за этим «особая депутация от Исполнит[ельного] комитета по делам духовенства посетила Патриарха, и только после продолжительного обмена мыслей и тщательного обсуждения вопроса (здесь и далее в документе фразы подчеркнуты. — М. К.) Владыкой Патриархом было предпринято решение выступить с таким посланием к духовенству — и пока только к нему одному, не касаясь мирян, непосредственно для установления определенных взглядов и внесения единообразия действий священнослужителей на всем пространстве России»⁶⁰. После многих и серьезных обсуждений совместно с Высшим Церковным Управлением каждого выражения и даже каждого слова, продуманное до мелочей, прошедшее ряд переделок послание приобрело свой окончательный вид. 8 октября (25 сентября) 1919 г. протопресвитер Н. Любимов, сообщая Филиппову о факте подписания текста послания Патриархом, подчеркнул: «В нем, согласно Вашему желанию, некоторые фразы заменены, но от поправки в последнем абзаце Святейший отказался и, конечно, по очень простой причине: ведь послание ко всем архипастырям и пастырям Церкви Российской, под какой бы гражданской властью они не находились... нельзя же им говорить: “Подчиняйтесь Советской власти”, которой, может быть, в данный момент у них и не имеется»⁶¹.

Удивительно, но факт, в тексте циркулярного письма ВЧК № 2, утвержденного в первых числах октября 1919 г. (т. е. в те дни, когда обсуждение вариантов патриаршего послания еще продолжалось), говорилось: «Особое внимание, по соображениям политического момента, необходимо обратить на появление среди духовенства, а через него и среди мирян, нового послания Патриарха Тихона, ныне рассылаемого патриаршей канцелярией циркулярно духовенству. Предлагается донести о всех проповедях, произносимых по этому поводу местными священниками и архиереями. В этом послании Патриарх предписывает решительно всему духовенству и на всем пространстве России, распространяя силу своего приказа и за границу, не вмешиваться

в политическую жизнь страны, не участвовать в борьбе партий и военных лагерей, не встречать победителей ни колокольным звоном, ни молебнами, ни крестными ходами. Затем Тихон высказывается против какого бы то ни было иноземного или иностранного вторжения не только в наши дела, но и на нашу территорию. Таким образом, с выпуском этого нового послания высшая церковная власть в лице Патриарха категорически осуждает все надежды русских белогвардейцев и контрреволюционеров, опирающихся или рассчитывающих на дальнейшую помощь иностранцев по восстановлению старого режима. Наконец, в этом же послании объявляется духовенству о безусловном подчинении советской власти и ее декретам, как вообще всякой гражданской власти, существующей планомерно на других территориях или в других странах. Таким образом, советская власть признается не только необходимой, но и законной. Такое послание решительно подавляет все ссылки контрреволюционного характера на то, что духовенство, как и высшая церковная власть, будто бы не сочувствует советской власти и тайно ведет против нее пропаганду. Патриарх указывает... что случаи пропаганды и таких выступлений духовенства являются единичными и не должны влиять на взгляд духовенства, как на сословие вполне благонадежное. Ссылаясь на содержание этого послания, которое будет препровождено Секретным отделом по всем ЧК и Исполкомам для сведения, необходимо дать духовенству по возможности соответствующие разъяснения, и только в случае явного выступления в нарушении этого послания, или проповедей, или его комментариев, направленных к уменьшению его значения и подрыв авторитета высшей церковной власти, действующей в данном случае не вразрез советской власти, следует принимать самые строгие и решительные меры»⁶².

На основании вышеизложенного можно предположить, что в редактировании текста послания участвовали (негласно, через Филиппова) сотрудники СО ВЧК. Возможно, именно поэтому, как свидетельствовал архиепископ Никандр 2 марта 1923 г., «Филиппов, вначале одобвивший текст послания на собрании Исполкомдуха, высказал на следующем затем собрании Исполкомдуха неудовлетворение посланием, сказав, что Патриарх ограничился только общими фразами, что это послание не может вызвать доверие власти советской к духовенству и установлению добрых взаимоотношений между советской властью и церковной властью»⁶³.

28(15) октября 1919 г. Патриарх, Священный Синод и Высший Церковный Совет в соединенном присутствии приняли постановление № 19, предписывавшее «разослать означенное послание Святейшего Патриарха, при циркулярных указах, ко всем епархиальным Преосвященным»⁶⁴. При этом, по словам архиепископа Никандра, «Патриарх говорил Филиппову, что у него нет средств напечатать послание и распространить его по той стороне фронта»⁶⁵. В результате, по словам Филиппова, «последнее патриаршее послание... рассылалось церковной властью только в марте текущего (1920 г.— М. К.) года и то в одном экземпляре — архиереям и только для сведения. Это воздержание от положительных указаний и руководства со стороны высших церковных властей истолковывается рядовым духовенством в лучшем случае за признак

сохранения существовавших порядков и воздержания от перехода к обусловленному декретами новому строю, а в худшем случае как признак уверенности, что советский строй не удержится, и в том и в другом случае рядовое духовенство поплатится не только материальным благосостоянием, но, что прискорбнее, трактуется за противодействующий советской власти и жизни элемент»⁶⁶.

23(10) декабря 1919 г. Патриарх, будучи вызванным для дачи показаний в СО ВЧК, категорически отрицал, что параллельно с посланием от 8 октября (25 сентября) по епархиям рассылался циркуляр, запрещающий зачитывать текст послания вслух. (М. И. Лацис: «У нас есть подписанное Вами циркулярное распоряжение, чтобы это послание не читалось в храмах во всеуслышание» — «Это неправда, я такого распоряжения не делал и никакого указа об этом не подписывал» — «Но, может быть, это сделал Синод?» — «Я этого не знаю»)⁶⁷. «Сообщение... о том, что последнее послание, написанное, если не в примирительном, то [в] нейтральном тоне, умышленно не распространялось по духовенству в необходимом количестве, которое могло бы проникнуть и в массу — неверно... Правда, добави[л] Тихон, что только один московский епархиальный Совет циркулярно предписал священникам огласить послание в церквях с амвона, но высшее церковное управление не считало нужным делать это, так как само собой разумеется, раз послание получено, то и должно быть прочитано мирянам, а если духовенство оставило его у себя, не читая и толкуя его только как циркуляр, посланный для сведения только духовенства, а не мирян — то это вина не его, Тихона, а самих священников и технического аппарата распространения, весьма несовершенного в наши дни»⁶⁸.

В этих условиях с целью «ознакомления каждого желающего с точным текстом послания» посредством «раздачи народу... без участия духовенства»⁶⁹ «Исполкомдуха» принял решение опубликовать текст послания («вариант для мирян») за счет своих средств тиражом 500 тыс. экземпляров⁷⁰. 11 октября 1919 г. Филиппов от имени «Исполкомдуха» обратился к Председателю Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов Л. Б. Каменеву с просьбой «дать разрешение и ордер» на напечатание текста послания «в типографиях бывшей Сытина и Синодальной»⁷¹. Согласие было получено, и заказ был направлен в «Синодальную типогр[афию] (на 300 экземпляров) кириллицей, а к б[ывшему] Сытину на 100 000 экз[емпляров] в сопровождении комментариев». Однако дальше начались сложности: так как текст, утвержденный Каменевым, отличался от окончательного варианта, подписанного Патриархом, Филиппов вынужден был вступить в переписку с Государственным издательством, решительно настаивая на необходимости «разрешить беспрепятственно и без замедлений печатание воззвания на русском языке 25 000 без комментариев и 100 000 с комментариями — последних два заказа в типографии Сытина». Филиппов утверждал, что «такое количество экземпляров необходимо не столько для рассылки внутри Советской России (ибо об этом оповещена она достаточно путем печати), сколько для распространения в зарубежной России — на Дону, [в] Сибири, на Украине и по Кавказу. Делается это Комитетом по соображениям пропаганды... и соображениям

иным, пока не подлежащим объявлению, но во всяком случае не идущим вразрез с Советской властью»⁷².

Однако 24 октября 1919 г. Оргбюро ЦК РКП(б) на своем заседании (проходившем, кстати, в присутствии Дзержинского), отвечая на соответствующий запрос Коллегии государственного издательства, неожиданно высказалось против публикации текста послания⁷³. Затем, не исключено, что по настоянию руководства ВЧК, вопрос был передан на рассмотрение высшей партийной инстанции. В протоколе заседания Политбюро ЦК РКП(б) (Ленин, Каменев, Крестинский) от 26 октября 1919 г. читаем: «Слушали: Предложение т[оварища] Каменева пересмотреть решение Оргбюро относительно напечатания Послания патриарха Тихона». «Постановили: Считаю, что вопрос недостаточно обсужден предварительно, в советском порядке, предложить т[оварищам] Каменеву и Покровскому поставить его во вторник в Совнарком, с вызовом всех заинтересованных. Если после обсуждения в Совнаркоме потребуется принципиальное решение ЦК, обсудить в Политбюро 30/Х»⁷⁴.

Тем временем 27 октября 1919 г. «в Центропечать» поступил (№ 1153а — «в ответ на Ваш запрос № 5583 от 24.10.1919 г.») текст мотивированного заключения заведующего VIII отделом Наркомоста Красикова относительно целесообразности публикации текста послания, в котором, в частности, говорилось: «Ходатайство религиозной общины о предоставлении ей права и возможности издавать и распространять воззвания является незаконным, и разрешение в этом смысле было бы нежелательным прецедентом, так как религиозные общины не имеют прав юридического лица... Обращаясь к существу воззвания, необходимо отметить крайне бесцеремонное извращение действительной роли и деятельности церковной иерархии в классовой борьбе с момента пролетарской революции, в противоречии с неоспоримыми фактами... Воззвание имеет целью перенести на Советскую власть обвинение во всех репрессивных мерах, коими она вынуждена была бороться с контрреволюционным духовенством... высшая церковная иерархия, теряя все больше и больше почву под ногами, чувствуя свою позицию совершенно дискредитированной в глазах широких масс... идет пока на минимальную капитуляцию. Высшая иерархия пробует бросить часть неудобного ей в данный момент балласта прямых контрреволюц[ионных] лозунгов в надежде получить передышку до более лучших для нее времен, стремясь при этом оставить себе руки совершенно свободными и не уступая пока ни иоты своих основных позиций и своего престижа... Старая позиция высшей иерархии настолько в настоящее время неустойчива и безнадёжна, что при надлежавшей, твердой и выдержанной политике с нашей стороны она (иерархия. — М. К.) должна пойти на полную капитуляцию или будет ниспровергнута собственным внутренним разложением. Облегчать же ее трудное состояние, давать ей авансы и одобрения при данном положении дела — значит вливать жизненный эликсир в жилы умирающего»⁷⁵.

Важнейшую роль в дискуссии о судьбе Патриаршего послания должно было сыграть, судя по сохранившимся архивным документам, заседание СНК

от 28 октября 1919 г., на котором присутствовали Ленин, Каменев, Луначарский, заведующий госиздательством (с мая 1919 г. по февраль 1921 г.) В. В. Воровский и др. В текст повестки дня заседания внесен «п. 11. Доклад о послании патриарха Тихона (Воровский, Каменев)». К сожалению ни подготовительных материалов, ни текста принятой резолюции в архивном деле не содержится. Лишь в стенограмме, в современных условиях расшифровке не поддающейся, обнаруживаются упоминания о том, что «т. Лацис [ознакомлен] [ознакомил?] с [документами?]»⁷⁶. Красиков, главный оппонент Филиппова, скорее всего вынужден был подчиниться мнению большинства своих старших партийных товарищей⁷⁷.

Через год после описываемых событий, в июле—августе 1920 г., когда дальнейшее существование самого «Исполкомдуха» было поставлено под вопрос, Филиппов в своих обращениях к Управделами СНК В. Д. Бонч-Бруевичу (№ 544 от 20 июля 1920 г.), в Президиум ВЧК (без даты, не позднее 23 августа 1920 г.), наконец, к народному комиссару юстиции Д. Курскому (от 29 августа 1920 г.) заявлял: «Комитетом за свой счет было предпринято издание Патриаршего воззвания и комментариев к нему в 50 000 экз[емпляров]». «Патриаршее послание... было передано по радио за границу и вызвало оживленные комментарии. Но трусость Патриарха и недомыслие некоторых Советских органов управления сделали то, что второе послание к народу («с ободряющим обращением к народу по поводу переносимых трудностей и лишений, которые не могут быть, не должны быть [относимы?] за счет большевиков или правительства») «осталось невыпущенным. А третье — по проекту Исполкомдуха обращение к иностранцам с требованием невмешательства в русские дела, осталось даже ненаписанным»⁷⁸.

В работе «Исполкомдуха» принимали участие примерно 30 человек, из них более 20 лиц духовного звания⁷⁹. Несмотря на численный перевес духовенства, главную роль в организации, по словам Филиппова, должен был играть «светский элемент», клирики выступали в качестве «экспертов»⁸⁰. Согласно позднейшей версии Филиппова, «Исполкомдуха» как «частный кружок людей, искренно сочувствующих, а главное, содействующих Советской России и власти» брал на себя нелегкую функцию: «не столько примирителей двух начал — советского государственного и духовного... сколько приспособителей духовенства к служению народу при новых условиях и на началах, объявленных в декретах»⁸¹. Организация, по словам ее создателя, стремилась добиться утверждения среди представителей советской власти взгляда на священнослужителей как на «лояльное в массе и полезное при новом строе явление»⁸². Для объединения духовенства, «стоящего на советской платформе», обсуждалась возможность (не реализованная впоследствии) «организации провинциальных бюро с целью подготовки через них сначала местных, а затем и Всероссийского съезда духовенства, действующего на основах Советской власти»⁸³.

В «Программе работ “Исполнительного в Москве комитета всероссийского объединенного совета духовенства и мирян”» говорилось, что «никаких политических задач, а тем менее партийных целей, комитет и бюро

преследовать не должны, ограничивая рамки своих работ... 3) ознакомлением духовенства с мероприятиями Советской власти по делам Церкви и ознакомлением последней с деятельностью духовных административных учреждений в России, а равно стремлением к улучшению отношений между Советской властью и представителями культа на основе строгого сохранения последними нейтральных к борющимся сторонам отношений; 4) защитой интересов и личной неприкосновенности отдельных представителей духовенства в случае их ареста и предания суду в связи с событиями последнего времени, т. е. на политической, а не уголовной подкладке; 5) содействием работе сознательных элементов духовенства и привлечением их на общекультурную работу в государственном масштабе, например по охране памятников искусства и старины, сохранению и изучению библиотек, архивов, по деятельности в Красном Кресте, по сельскому хозяйству, организации кооперативов и т. п. в видах подъема народного благосостояния и главным образом трудящегося рабоче-крестьянского класса; 6) способствованием уничтожению сословных перегородок и ложных традиций духовенства, а также примирением исповеданий, как православие и католичество, подразделений — униатство, армяно-григорианство, старообрядчество, единоверие, — в общей мировой работе на почве служения труду, равенству и свободе»⁸⁴. По сути речь шла о том, чтобы посредством системы организационных и пропагандистских мер добиться ослабления оппозиционных по отношению к Советскому государству настроений среди священнослужителей и обеспечить признание духовенством новой власти в качестве единственной политической силы в стране в целях совместной работы «для... приведения России в мирное состояние, а также и для закрепления всех завоеваний рабоче-крестьянского класса»⁸⁵. Собственно это Филиппов и называл «приспособлением духовенства к новому строю». Он заявлял, что «с большевиками духовенство может ужиться совершенно естественно и спокойно. Если идеалы Христа о любви и братском распределении благ между нуждающимися не вышли за 1000 лет их практического насаждения за пределы церковной риторики и церковного лицемерия, то совершенно правы коммунисты, пожелавшие палкой вогнать в социалистический рай всю сволочь, которая одной рукой выставляла Евангелие, а другой резала купоны процентных бумаг. И кому, казалось бы, проще, как не духовенству христианских исповеданий, пойти на поддержку начинаний большевиков в России и двинуть в том же направлении массы... Если социализм как таковой мог привиться быстро и, возможно, что безболезненно в России только благодаря замечательной обработке умов и сердец общиной... артелью... и православием... то и православие может расцвести... только при условии социалистического государственного устройства именно по типу большевизма и никакого иного»⁸⁶.

По словам Филиппова, «Исполкомдуха» существовал в качестве добровольческой организации на пожертвования от частных лиц⁸⁷. «Исполкомдуха» есть учреждение частное и только известное по своей деятельности ВЧК и состоявшее только под контролем (но не руководством) секретного отдела, — свидетельствовал Филиппов, — никакой органической связи с ВЧК или сек-

ретным отделом мы не имели, средств от Комиссии на содержание Комитета и служащих в нем ни от одного из советских учреждений не получали, и никакого имущества от ВЧК или МЧК у нас не имеется. Ни одной копейки через Комитет советских денег никому за время его существования не выдавалось». Филиппов заявлял о том, что Президиум ВЧК в сентябре 1919 г. вынес постановление «о самостоятельности моих действий в руководстве Комитетом по делам духовенства, но с условием сообщения о предпринимаемых мною шагах властям... Все переговоры и соглашения с секретным отделом велись только мною лично и в строго секретном порядке»⁸⁸.

Несмотря на заверения Филиппова, ответственные сотрудники ВЧК играли немаловажную роль в «Исполкомдухе». Кроме Филиппова (на то время штатного сотрудника Секретного отдела ВЧК) в «Исполкомдуха» входил Георгий Матвеевич Иванов (1890–1942 гг.), с мая 1919 г. комиссар-следователь при Президиуме ВЧК, с июня 1919 по февраль 1920 г. член коллегии и секретарь Секретного (Секретно-оперативного) отдела ВЧК. На первоначальном этапе формирования организации в ее работе, по свидетельству Филиппова, принимал участие Семен Герасимович Уралов (Кисляков) (1893–1969 гг.), в 1919 г. член Коллегии и Президиума ВЧК, с 24 февраля (по другим сведениям, с мая или июня) до начала октября 1919 г. (с перерывами) заведующий Секретным (Секретно-оперативным) отделом ВЧК. На первых порах на заседаниях Комитета в качестве наблюдателя присутствовал и Ф. И. Марков — заведующий организационно-учетным отделением юридического отдела Московского совета рабочих и красноармейских депутатов. Филиппов так комментировал эти факты: «Мы относились безразлично к участию коммунистов, даже сотрудника ВЧК, в нашей работе», их «присутствие... гарантировало и нас, и власть от уклонения в нежелательную сторону... Мы не считали, что участием Иванова устанавливается какая-то интимная связь и зависимость между «Исполкомдухом» и ВЧК, тем более что мы обо всех своих действиях доводили до сведения и ВЧК, и Наркомюста по VIII отделу, а [также] и управделами Совнаркома»⁸⁹. «Чрезвычайная комиссия никакого отношения к «Исполкомдуху» не имея (подчеркнуто в документе.— М. К.), только контролировала его действия и в иных случаях оказывала помощь»⁹⁰, «только некоторое необходимое содействие, например в вопросах техники проезда духовенства, освобождения заключенных, получения продуктов, мы находили в ВЧК, не примыкая к ней в работе, не составляя никакой связи с ней, как и с Наркомюстом, но постоянно принимая во внимание руководящие взгляды и того, и другого учреждения. Более того, в силу изложенного мы с первого дня рождения Комитета подпали под подозрение у духовенства и до последних дней духовенство видело в нас не бескорыстных, но наемных и даже действующих по поручению правительства лиц»⁹¹.

Православные иерархи действительно с недоверием отнеслись к новой организации. Митрополит Кирилл (Смирнов) категорически отказался от участия в работе «Исполкомдуха», поскольку «Комитет преследует политические цели». Протопресвитер Н. Любимов минимизировал свое участие в работе Комитета, объяснив свою позицию в письме к Филиппову:

«В пределах той “программы”, которую я, по Вашему же поручению, составлял, которая... почти единогласно была одобрена и принята общим собранием и которая в конце концов куда-то совсем исчезла и испарилась, [я] готов был работать, но работа в нашем Комитете пошла совсем не по намеченному в вышеупомянутой “программе” пути и таким образом лишила меня возможности принять в ней активное, деятельное участие»⁹². Раздосадованный позицией православных священнослужителей Филиппов уже после первого заседания Комитета, прошедшего 17 сентября 1919 г. при полном, возможно демонстративном, отсутствии лиц духовного звания, заявил, что «столичное духовенство, избалованное привилегированным положением при недавнем режиме... еще долго не в состоянии будет отрешиться от мысли и мечтаний вернуть все прошлое вновь». Филиппов высказался за то, чтобы «устранить совершенно представителей духовенства от участия в работах Комитета... Оно же вольно будет согласиться с нашими решениями, а если не согласится, то разделит ту участь, которую готовят ему события». Филиппов полагал возможным ограничиться «рассылкой важнейших постановлений Комитета по приходам и общинам для осведомления». «Только миряне и только по представительству от местных ячеек должны решать вопрос о бытии и быте духовенства, но уже не как сословия, а как отдельных граждан, призываемых к отправлению церковнослужения и треб. Духовенство обязано... подчиняться решениям Комитета, одобренным на приходских собраниях, куда от Комитета для разъяснения положения дел будут командироваться отдельные лица». Не исключалась Филипповым возможность, что «Исполкомдуха» займется «подготовкой представителей светских элементов для занятия духовных должностей и отправления пастырских обязанностей на смену традиционных представителей духовного сословия и в целях тесного сближения церкви и мирян»⁹³. Впрочем, церковный реформатор понимал, что такого рода «альтернативный вариант развития событий» был практически исключен. «Коль скоро обозначилась цель и возможность действовать на массы через духовенство, как и на самое духовенство,— писал он,— то опираться на одни светские элементы было бы немыслимо»⁹⁴. «Ясно, что влиять на духовенство в массе мы могли через более даровитых и разумных представителей того же духовенства, а главное, одинаково признанных и светскими, и духовными людьми... Не приглашать... их с самого открытия Комитета было невозможно, ибо никакой авторитетности Комитет иметь не мог бы именно в той среде, в которую предположено было вносить пропаганду»⁹⁵.

Наладить сотрудничество «Исполкомдуха» с широкими кругами духовенства (в первую очередь, православного) не удалось. 1 сентября 1920 г. Филиппов, подводя итоги работы Комитета, раздраженно писал Петроградскому митрополиту Вениамину: «За год работы... я потерял последние признаки уважения к православным пастырям, начиная с Патриарха... Ни капли здравого смысла в действиях, полное отсутствие чутья и проницательности, совершенная атрофия государственности... Духовенство... предпочло сначала стать в оппозицию, а теперь пытается не столько ужиться с Советской властью и строем, признав его достоинства, заслуги и действительно само-

отверженные пытки и жертвы, сколько нажиться при всеобщем хаосе... В мертвой, тупой неподвижности церковного болота православной окраски вязнут самые лучшие начинания... Общая неуступчивость и затаенная недоброжелательность к новому строю... побуждает меня прекратить свою работу с духовенством и для духовенства. Она была окончательно бесплодной и также опасной: ни разу не поддержав наших начинаний ни лично, ни материально, духовенство всячески душило Комитет своими происками, интригами, брезгливо апатичным отношением ко всем нашим предложениям, пока постепенно не привело того же Всероссийского Патриарха сначала на порог Чрезвычайки, а потом в камеру народного суда. Уже этого одного достаточно, чтобы был исчерпан интерес к касте, у которой нет ни совести, ни души, ни веры, а остался один только интерес к деньгам»⁹⁶.

Деятельность «Исполкомдуха» не находила понимания и в государственных структурах, не довольных тем направлением в работе организации, которое с определенными оговорками можно назвать правоохранительным, направленным на обеспечение в Советской России «возможности безвозбранно каждому удостоверять свои религиозные нужды»⁹⁷. За год своего существования «Исполкомдуха» направил в различные советские инстанции значительное число аналитических записок, информировавших власти о реальных процессах, протекавших в религиозной сфере, что должно было, по мнению Филиппова, помочь выработке сбалансированной модели вероисповедной политики Советского государства.

Филиппов полностью отвергал «криминальные» методы, применявшиеся в работе VIII (ликвидационного, церковного) отдела Наркомата юстиции (Филиппов часто упоминал занимавших важные посты в отделе бывшего присяжного поверенного И. А. Шпицберга и бывшего православного священника М. В. Галкина, которые в своей каждодневной практике допускали нарушения советского законодательства о религиозных культах). Наркомюст, целью которого должно было быть осуществление надзора за точным проведением в жизнь принципа отделения Церкви от государства и за созданием условий «для самостоятельного бытия церковных вероучений и исповеданий независимо от сочувствия к ним или несочувствия отдельных представителей Советской власти», занялся, по словам Филиппова, несвойственным для него делом, начав «искоренять суеверие ампутационным путем»⁹⁸. «Понемногу, при всеобщей занятости высших руководителей... власти разрешением таких грандиозных задач, как окончание войны и снабжение населения продовольствием, 8-й отдел вступил на путь активной политики борьбы особенными средствами с духовенством, и главным образом [с] православием, при участии и помощи отдела по духовенству при ВЧК»⁹⁹. Руководство VIII отдела выступило инициатором кампании по вскрытию мощей и настаивало на их последующей полной ликвидации, требовало введения запрета на профессию для бывших священнослужителей, разработало систему искусственных мер, имевших целью затруднить получение Церковью продуктов, необходимых для богослужения: вина, муки, а также церковной утвари. Отвергая такие методы, Филиппов считал: «Государство (допуская, что в задачу государственной

власти, а не партии, как вдохновительницы первой, входит подобная задача) может принять на себя борьбу, но только с суевериями, а не с верой, и именно борьбу, а не искоренение веры или суеверий насильственным путем. Пути этой борьбы, если она хочет быть плодотворной и органической, ясны — это просвещение». Силowymi методами «борьба может вестись с тем, что активно выступает против осуществления определенных исторически назревших планов власти, в данном случае Советской, и то в случаях явного противодействия последней». Но даже в этом случае, «даже допустив подобный метод и приемы борьбы, было бы полезнее применять ее, но не распространяться о ней в хвалебном тоне»¹⁰⁰.

В ходе массовых судебных процессов над духовенством в 1919–1920 гг. «Исполкомдуха» стремился привлечь внимание властных структур к недоказанности многих обвинений, выдвигавшихся против лиц духовного звания, указывал на необъективность судей, подчеркивал, что судебные функции должны осуществляться непредвзято, ибо «судебное место не арена для сведения счетов с негодными лицами... хотя бы и неприятной касты духовенства»¹⁰¹. К середине 1920 г. канцелярия «Исполкомдуха» превратилась в своего рода юридическую консультацию, куда за советом обращались лица духовного звания¹⁰². В деятельности «Исполкомдуха» стали просматриваться черты, свойственные правозащитной организации. Осуждая методы, использовавшиеся Наркомюстом в борьбе с «проявлениями религиозности», Филиппов указывал на то, что руководство VIII отдела своей нетерпимостью провоцирует взрыв недовольства на религиозной почве, «сознательно или бессознательно играя тем самым на руку контрреволюции»¹⁰³. «Сколько бы мы ни говорили о возможности упразднения религии... но то, что органически вращало целыми тысячелетиями, не может быть вырвано механически усилиями 8-го отдела даже при помощи ЧК. Следовательно, задача момента — ослабить оппозиционное влияние целого сословия духовенства всех исповеданий (своего рода армия в тылу Советской власти в 365 000 человек), использовать его влияние на массы»¹⁰⁴.

Нетрудно догадаться, что позиция Филиппова вызвала негативную реакцию не только в VIII отделе Наркомюста, но и в Секретном отделе ВЧК, который имел все основания считать Филиппова своим агентом среди духовенства¹⁰⁵. «Комитет по делам духовенства... на правах коллективного экспертного учреждения... оказал в разное время существенную помощь секретному отделу ВЧК своими объяснениями по специальным вопросам касательно церковных дел всех исповеданий», — писал М. И. Лацис 26 июня 1920 г. в VIII отдел Наркомюста¹⁰⁶. «Нам приходилось участвовать много раз в экспертизе по духовным делам при ВЧК, когда еще не было там уполномоченного по духовным делам», — констатировал Филиппов в письме «Комиссару юстиции Советской России» от 29 августа 1920 г.¹⁰⁷ Однако не экспертные услуги были, по замыслу чекистов, основными в работе «Исполкомдуха». Комитет был организован «[в] противовес Патриарху». На него «возлагались большие надежды в том смысле, что духовенство удастся эксплуатировать и оно... будет вместо черносотенных и рутинных проповедей выступать на защиту влас-

ти»¹⁰⁸. Благодаря «Исполкомдуха», по словам Лациса (3/4 декабря 1920 г.), «духовенству был дан толчок к переоценке своих взглядов... прогрессивному духовенству дана возможность себя проявить». Однако «после годичной деятельности “Исполкомдух[а]” стал стремиться к поднятию авторитета Церкви путем устранения пережитков прошлого и приспособления ее к новому строю. Допустить это значило отречься от нашей программы и дать обильную пищу “богоискателям”», и ВЧК прекратила деятельность «Исполкомдуха»¹⁰⁹.

5 августа 1920 г. общее собрание членов Комитета посетил уполномоченный Секретного отдела ВЧК по духовенству В. В. Фортунатов, после чего Лацис постановил «ликвидировать “Исполкомдух[а]” как отжившую свое время организацию»¹¹⁰. Когда Филиппову стало известно о планах роспуска Комитета, он обратился в Президиум ВЧК, настаивая на том, что «Комитету как частному учреждению, не подсобному для учреждений Советской власти и добровольческому, приличнее всего ликвидироваться самому... раз его деятельность признается ненужной». Ликвидация «Исполкомдуха» при посредстве ВЧК поставила бы «мою личность на роль провокатора и установила бы несомненную точку зрения на ВЧК как вдохновителя деятельности Комитета, что фактически неверно, а с партийной точки зрения недопустимо и, по существующим взглядам на вещи, обнаружило бы скрытую тенденцию власти косвенно, через посредство Комитета влиять на среду духовенства в свою пользу». Филиппов полагал, что «было бы рискованным... открывать прямо или косвенно причастность ВЧК к делу исправления мыслей духовенства»¹¹¹.

Позднее Фортунатов свидетельствовал о действиях Филиппова: «Он [хотел] ликвидировать “Исполкомдуха” самостоятельно и без шума, это ему было предоставлено. При ликвидации его Филиппов устроил массу безобразий». Филиппов демонстративно обращался за поддержкой в различные советские инстанции, тем самым фактически раскрывая свои связи с ВЧК¹¹². 1 сентября 1920 г. Филиппов просил управляющего делами СНК В. Д. Бонч-Бруевича «оказать немедленную помощь с предписанием срочного расследования моих действий и обследования личности через одно из доверенных партийных лиц ЦИКа»¹¹³. Однако помощи Филиппову, похоже, ждать было неоткуда. 9 сентября 1920 г. заведующий VIII отделом Наркомюста П. А. Красиков, характеризуя поведение Филиппова как «лицемерное», призвал Президиум ВЧК «принять реальные меры к тому, чтобы подобная личность не марала своим прикосновением органы советской власти»¹¹⁴. 13 сентября 1920 г. председатель Московского совета народных судей М. Левитин принял решение об аресте Филиппова (по обвинению в провокаторстве в пользу реакционных церковных кругов) с его последующим препровождением как сотрудника ВЧК в распоряжение Всероссийской чрезвычайной комиссии¹¹⁵.

В обвинительном заключении по делу Филиппова от 28 сентября 1920 г., подготовленном уполномоченным Секретного отдела ВЧК по духовенству В. В. Фортунатовым, Филиппов обвинялся в ведении двойной игры: притворяясь сторонником советских мероприятий, он в то же время всячески мешал деятельности учреждений, отвечавших за проведение государственной линии в отношении Церкви и духовенства, старался дискредитировать

«отдельных советских работников» («на заседаниях “Исполкомдуха” при черносотенных полах он критиковал всю деятельность 8-го отдела»). Было отмечено, что Филиппов «не добился необходимого перерождения духовенства и действительного перехода его в ряды сторонников Соввласти... Духовенство осталось таким же, каким было, и самую организацию “Исполкомдуха” начало использовать для своих целей... Под давлением духовенства им через ВЧК было освобождено более 60 лиц духовного звания, лиц определенно черносотенных». Фортунатов полагал необходимым «Исполкомдуха» «закрыть, как учреждение не только бесполезное, но и вредное, Филиппова сослать в Соловецкий монастырь, т[ак] к[ак] изоляция его из общества необходима и на свободу отпустить его нельзя». VIII отдел Наркомюста занимал в отношении Филиппова значительно более радикальную позицию, как к человеку, втершемуся в доверие «с определенной целью выведать и все узнать, а затем воспользовавшегося с гнусной провокационной целью своими сведениями, а потому и заслуживающего не ссылки и временной изоляции, а высшей меры наказания, т. е. расстрела. 8-й отдел считает, что Филиппов, будучи сослан в Соловки, скроется и удерет за границу, где сделает много нежелательных разоблачений, как в свое время творил для старого правительства Илиодор Труфанов»¹¹⁶.

Насколько обоснованы были претензии Секретного отдела ВЧК к своему сотруднику — вопрос сложный. Филиппов был неоднозначным человеком, в котором противоречиво совмещались симпатия к победившей революции и убеждения, шедшие вразрез с революционной идеологией: мнение об абсолютности правовых основ, представление об устойчивости религии и т. п. Филиппов во многом действовал под влиянием революционного энтузиазма в отношении строительства нового общества, при этом его деятельность не лишена была авантюризма. Главной причиной недолговечности «Исполкомдуха» стала зависимость организации от разнонаправленных действовавших центров влияния: от ВЧК, с одной стороны, и духовенства, с другой. Филиппов был вынужден поддерживать образ «Исполкомдуха» как «свободно действовавшей организации». «Отсюда вытекла и необходимость сообразоваться с нуждами... духовенства».хлопоты об освобождении из-под стражи лиц духовного звания являлись одним из «возможных орудий роста влияния “Исполкомдуха” в среде духовенства»¹¹⁷, однако эти действия дискредитировали организацию в глазах государственных чиновников. Несмотря на безрезультатность, с официальной точки зрения, деятельности «Исполкомдуха», опыт Комитета отчасти был использован властями позднее, при насаждении в Русской Церкви обновленческого раскола. Тогда духовенство было разделено властью на «реакционное» и «прогрессивное», при помощи ВЧК насаживалась обмирщенная обновленческая раскольническая структура (ср.: мысли Филиппова о роли мирян в Церкви), которая должна была вытеснить «реакционное» («тихоновское») духовенство.

Филиппов пробыл в заключении 5 месяцев, к концу срока у него стали проявляться признаки психического расстройства. Бывшего председателя «Исполкомдуха» спасло личное заступничество Дзержинского, по указанию

которого уполномоченный Президиума ВЧК И. С. Кизельштейн, проанализировав обвинительное заключение в редакции Секретного отдела ВЧК, отверг все обвинения, предъявлявшиеся Филиппову, и высказался за прекращение дела «за отсутствием достаточных оснований». 12 февраля 1921 г. Дзержинский отдал распоряжение об освобождении Филиппова¹¹⁸. Выйдя на свободу, Филиппов оставил службу в ВЧК, создал юридическое бюро. Через 3 года его обвинили в антисоветской агитации (из-за высказывания: «Вся власть — сволочь») и в дискредитировании власти (бравирование именем Дзержинского, вовлечение «Винсиндиката» в невыгодную сделку). В 1924 г. Коллегия ОГПУ приняла решение о 3-годовой высылке Филиппова (под фамилией — псевдонимом «Арский», по одним сведениям — в Иркутск, по другим — на Соловки¹¹⁹) (одновременно Я. Э. Кушелевская подала на развод со своим супругом¹²⁰). После окончания срока ссылки Филиппов, возможно, некоторое время проживал в Ярославле, затем вернулся в столицу¹²¹. Умер А. Ф. Филиппов в Москве в октябре 1936 г. от сердечного приступа (на момент смерти исполняя обязанности члена Президиума садово-огородной комиссии Московского научно-исследовательского областного бюро краеведения). Был похоронен на Панинской аллее Ваганьковского кладбища столицы¹²².

* * *

18 апреля 1919 г. Московская ЧК выписала Филиппову пропуск для «делового свидания» с архиепископом Варнавой (Накропиным) в больнице Бутырской тюрьмы¹²³. Можно с уверенностью утверждать, что между собеседниками было достигнуто соглашение, позволившее Филиппову заручиться поддержкой руководства ВЧК в деле освобождения архиепископа из тюрьмы. 2-я половина 1919 г. и 1-я половина 1920 г. прошли для архиепископа Варнавы под знаком сотрудничества с «Исполкомдухом».

Варнава вышел из тюрьмы на Страстной неделе. Не афишируя своего освобождения, он поселился на частной московской квартире (на пересечении Вознесенской и Немецкой улиц, квартира Никитиных). Вскоре (не позднее 5 мая 1919 г.) его адрес стал известен Патриарху Тихону, после чего со стороны Московской Патриархии возобновились попытки вручить Варнаве постановление Священного Синода от 11 октября (28 сентября) 1918 г. о запрещении его в священнослужении и о предоставлении объяснений своих действий¹²⁴.

Дальнейшие события подробно излагаются в письме Филиппова архиепископу Никандру (Феноменову) от 14 мая 1919 г. «Ваше Преосвященство, глубокочтимый Владыко, недавно мной получено известие о том, что ко Владыке архиепископу Варнаве неоднократно являлись на дом архимандрит и протоиерей для вручения ему указа Собора о наказании его, Варнавы, лишением мантии и панагии (здесь и далее подчеркнуто в документе. — М. К.) за то, что в “Известиях Совета солд[атских] и рабоч[их] деп[утатов]” от 8-го сентября прошлого года появилась заметка с изложением частной беседы архиепископа со следователем, производившим его допрос в Чрезвычайной комиссии. Так как в том доме и квартире, где поместился Владыко архиепископ,

он не был прописан, не имея даже вида на жительство (а ему только недавно по моим хлопотам МЧК выдало удостоверение личности), и я только Вам одному из духовных лиц сообщил адрес и телефон квартиры Никитиных, то считаю долгом обратиться именно к Вам с настоящим письмом. Меня не только удивляет, но просто поражает отношение духовенства и высших сфер его к архиепископу Варнаве. Или люди не ведают, что творят, или не знают, по какому поводу они могут применять такие меры и в такое время. В самом деле: удаленного на покой в Арзамасский монастырь архиепископа Варнаву... по требованию местной Чрезвычайной комиссии арестовывают и без предъявления обвинений отправляют в Москву в ВЧК. В это время раздается с высоты Патриаршего престола гневный голос противу большевиков с обсуждением не только церковных вопросов, но даже последствий от заключения “позорного Брестского мира” и от “вооружения солдат для войны на внутреннем фронте”. Однако не нашлось ничьего голоса для опроса Варнавы и для помощи ему, а также и остальному заключенному в тюрьму духовенству. Чудом, а вовсе не после беседы Варнавы со Скрипником (так в тексте; правильно: Скрыпником.— М. К.) (каковая беседа и не предназначалась для печати, а была действительно интимной беседой), чудом избавился Варнава от расстрела через еврея Беленького, латыша Петерса и поляка Дзержинского. Случай дал и мне возможность в Великий Четверток освободить его из Бутырок наряду с другими, также до того мне не известными представителями духовенства, и архиепископа уже больного и удрученного. Совершенный случай создал ему возможность получить кров, пищу и почтительную любовь в семье Никитиных. Но без всякого чуда и случая, а естественно среди духовенства закипели вновь все страсти, и почему-то всплыла необходимость поразить указом, без суда и следствия, о снятии мантии и панагии [с] того человека, который являлся плотью от плоти народной и пока виновен в одном: в том, что по милости Провидения ему довелось когда-то из простых мужиков и полуграмотного монаха превратиться в архиепископа и побывать у царского трона, куда настойчиво пробирались все наши иерархи, не жалея для этого ни средств, ни поклонов. Но если за это могли расстрелять (но не расстреляли все же) или держать в тюрьме люди, не знавшие Варнавы, в нем сомневавшиеся (да и то в минуты лихорадочного возбуждения и революционного террора), то как и что подумать о пастырях Церкви, спокойно осуждающих своего брата во Христе без обсуждения обстоятельств и степени его виновности? Что можно сказать о людях, с неутомимостью отыскивающих тот единственно покойный угол, где старцу довелось найти приют после близкого дыхания смерти? Конечно, Владыко Варнава поспешил уехать за пределы Москвы, избегая позора, а может быть, и просто пораженный незаслуженным к нему отношением тех, кто взял на себя проповедь мира, и кроткого понимания других, и любви к ближнему, в то время как Чрезвычайка, о которой принято думать как о чудовищном застенке, отнеслась к архипастырю с величайшим вниманием, заботливостью и предупредительностью. По кратким телефонным справкам и переговорам я убедился, что арх[иепископ] Варнава являлся, едва окрепшим, через некоторое время по выходе из тюрьмы, пешком, к Владыке Патриарху,

но не удостоился быть принятым и иметь объяснение. Вместо этого перед нами указ Собора и редкая настойчивость по вручению его... Не вникая в существо распоряжений Собора и не зная содержания указа, я тем не менее полагаю, что они могут остаться в запечатанном конверте в пределах Патриаршей канцелярии впредь “до окончания гражданской смуты в России”, как принято теперь официально выражаться. И этот совет могу дать именно я, чувствующий себя особенно смущенным после снабжения Вас, Ваше Преосвященство, адресом арх[иепископа] Варнавы, которого никто не знал, ибо от него при выпуске из тюрьмы взята подписка о неведении антисоветской пропаганды и пребывании вне стен монастырских. Почитатель Ваш Алексей Филиппов»¹²⁵.

В письме Филиппова прояснен ряд обстоятельств, связанных с арестом и освобождением архиепископа Варнавы, хотя, как можно судить, не все сведения достоверны. Филиппов писал, что Варнава был арестован близ Арзамаса местной ЧК и без предъявления обвинений отправлен в Москву в распоряжение Всероссийской ЧК. Очевидно лживыми являются слова Филиппова о том, что допрос Скрышником Варнавы 19–21 сентября 1918 г., носил характер «частной беседы», поскольку сразу же материалы допроса появились в нескольких центральных газетах. Нельзя сомневаться в свидетельстве Филиппова о том, что освобождению архиерея способствовали высокопоставленные сотрудники ВЧК Ф. Э. Дзержинский, Я. Х. Петерс¹²⁶ и А. Я. Беленький¹²⁷. При освобождении Варнавы с него была взята подписка о политической лояльности, после чего МЧК выдала ему удостоверение личности с условием, что тот будет проживать «вне стен монастырских». После освобождения Варнава пытался встретиться с Патриархом, но не был принят¹²⁸ (Патриарх находился в это время на заседании).

По-видимому, после неудачной попытки встретиться с Первосвятителем Варнава написал ему письмо, которое обсуждалось на заседании Священного Синода 19 и 26 мая 1919 г. Было принято постановление «О мерах предупреждения допущения архиепископа Варнавы к священнослужению»: «Слушали... 2) Письмо архиепископа Варнавы на имя Святейшего Патриарха, в коем он изъясняет, что пойдет именем Господним “странником”, не указывая при этом места назначения, и просит благословения и прощения. Постановлено. Усматривая в обстоятельствах дела, что архиепископ Варнава уклоняется от получения указа о запрещении его в священнослужении и представления затребованных от него объяснений, в предупреждение неканонического допущения его, архиепископа Варнавы, по неведению к священнослужению и на случай прибытия его для объявления ему наложенного постановления послать епархиальным Преосвященным циркулярные указы, поручив Преосвященному управляющему Московскою епархией сделать распоряжение о сообщении настоящего указа по всем церквам Москвы»¹²⁹. 3 июня 1919 г. Патриарх принял Варнаву, о чем на следующий день сделал запись: «Был у меня вечером 21 мая/3 июня арх[иепископ] Варнава... Когда я ознакомил его с постановлением Священного Синода от 28 сент[ября]/11 окт[ября]... то он заявил, что 1) никаких намерений создавать какую-то советскую православную Церковь он не имел и не имеет и своих услуг в этом деле не предлагал;

2) приписываемых ему слов и отзывов о церковных деятелях он решительно не помнит, чтобы произносил их; 3) если кого-либо из указанных там лиц обидел и оскорбил, то просит простить его; и 4) так как он не совершал богослужения почти одиннадцать месяцев, пробыв в заключении, то просит разрешить ему священнослужение»¹³⁰. Результаты беседы Патриарха с Варнавой обсуждались на Синоде, принявшем 6 июня 1919 г. постановление: «Разрешить архиепископу бывшему Тобольскому Варнаве священнослужение... пояснив в указе Преосвященному Варнаве, что на совершение богослужений в Москве он каждый раз, следуя установленному порядку, должен испрашивать разрешение управляющего Московскою епархией Преосвященного Коломенского и Можайского»¹³¹. 16 июня 1919 г. Святейший Патриарх и Священный Синод отдельным постановлением¹³² назначили Варнаву «на должность настоятеля Калязинского монастыря¹³³ Тверской епархии».

Получив назначение, Варнава не спешил покидать Москву. В середине июля 1919 г. архиепископ просил Филиппова передать председателю СНК В. И. Ленину икону и благословение. «Боголюбивый Алексей Фролович, посылаю образок в благословение Владимиру Ильичу и прошу вручить ему и поздравить его [с] днем ангела. Хотел бы вручить и лично, но, с одной стороны, силы плохи и тороплюсь уезжать, т[ак] к[ак] давно уже должен и по службе, и, главное, по нездоровью. Думая и веруя, что свет и воздух поможет мне лучше всякого лечения, то не откажи ради Бога походатайствовать доставить мои мощи, т[ак] к[ак] сейчас очень трудно достать место. Попроси прощения у Владимира Ильича за мою смелость беспокоить его, но я за это беспокою и буду беспокоить Господа Бога, да умудрит его во всех делах его на пользу родной нашей Руси. Не откажи же, исполни. Да и Беленького не забудь моим приветом. Храни Вас Бог. Покорный слуга грешный а[рхиепископ] Варнава»¹³⁴. На иконе Варнава сделал надпись: «Рабу Божьему Владимиру Ильичу на день святого ангела благословение от грешного архиепископа Варнавы, июля 15-го, 1919 г. Вождь Гедион с тремястами поразил врагов. Не в полчищах сила, но в духе водительства Божия. Вознесох избранного от людей Моих»¹³⁵.

20 июля 1919 г. архиепископ Варнава в церкви Вознесения в Лефортове после литургии и молебна произнес «Слово о расслабленном», в котором совершавшиеся в Советской России социальные перемены сравнил с исцелением Христом расслабленного: «Все мы воочию видим, как из расслабленного, не верившего в себя и в свои силы, народ превратился в смело совершающего свою судьбу, не только нашей страны, но многих других... А в области политической мысли и устройства не казалось ли нам еще так недавно, что стóбит несчастно измученной России остаться одной, без инородцев, чтобы она погибла навсегда — без участия Европы. Но вот прошел второй год испытаний наших, и мы целы. Весь мир ополчился на нас, но мы не устаем и идем грудью смело навстречу заливающим нас волнами англичан, французов, немцев, и финнов, эстонцев, японцев». Варнава отрицал возможность спасения страны «от руки наступающих на нас» и возможность обновления жизни посредством «возврата к прошлому». «Мы, подозревающие всех и каждого во всем... готовы заподозрить и самую Советскую власть в злом намерении истребить

русский народ, заставить забыть имя России... Можно допустить временный сбор нескольких преступных зол для осуществления коварных замыслов, но верить в то, что целое правительство с тысячами лиц на всем пространстве России взяло на себя в течение многих дней осуществление только преступной и эгоистической мести, это значит перестать верить в себя... Уверовать в себя, почерпнуть в себе силу для помощи друг другу на улучшение тех порядков и условия новой жизни, в которых заставила нас очутиться судьба и веление неба. Оставим распри, отринем ненависть к инакомыслящим, прекратим подозрение власти, братским доверием друг к другу укрепимся и воздвигнемся Христовой любовью ко всем нас обидящим, всем нас непонимающим, а тех, кто трудится во имя идеи великого уравниения всех перед Христом, достойно восхвалим и помянем молитвами»¹³⁶. Воздействие проповеди на окружающих было так велико, что сотрудники Секретно-оперативного отдела Московской ЧК 5 августа 1919 г. переслали текст проповеди в ЦК РКП(б) «для сведения»¹³⁷.

По-видимому, вскоре после 20 июля Варнава все-таки уехал в Калязинский монастырь. Однако и прибыв в Тверскую губернию, он не торопился принимать обитель в управление, поскольку ожидал (еще будучи в Москве) своего назначения при содействии ВЧК настоятелем Новоиерусалимского монастыря. Причины своей медлительности изложены архиепископом в письме от 12 августа 1919 г. секретному сотруднику МЧК С. С. Титову (письмо написано на обороте литографированного изображения Троицкого Калязинского монастыря): «Боголюбство (так! — М. К.), доброму путнику Сергею Семеновичу в молитвенную память от грешного архиепископа Варнавы, августа 12, 1919 года. Ну вот, мои родные друзья и покровители, вот скоро уже месяц, как я тут. Ожидаемой или, верней, обещаемой бумаги насчет Нового Иерусалима от Святейшего Патриарха, как, помните, говорили Вы в телефон, нет и не слышно, а я, скажу на ушко, ожидал и монастыря еще не принимал. Но если бы я сидел в Москве, то законно и основательно лишился бы и этого, тоже, как видите, не худого места и очень-очень во всех отношениях нужного. Но что же я буду делать, когда через три дня меня начали травить и оскорблять?! И кто?! Вот если бы тут случились мои добрые друзья-покровители, то думаю, что не только горячий Сергей Семенович и спокойный Алексей Фролович, но и не виданная мною, но по слуху, через Вас, Сергей Семенович, знаемая матушка Наталья, и та, я думаю, едва ли при всем женском смирении молчала и не указала бы на порок. Ну так вот, друзья верные, и подумайте: можно ли тут работать на пользу родины и доброго дела. Жду, жду как света приезда вас, Божии ратники. А еще говорили мне: подбирайте людей. Да сколько уже ко мне приходило приезжих, но что я могу делать, если я почти в такой обстановке, что не только людей, но скоро и себе сесть не на что и принимать некуда будет. Нет, друзья! Поразмыслите и учтите: я ведь не просил у вас никакой ссуды и ведь делал только для души и за любовь, и если бы указал кому и спросил, то не зря, а с пользой и от чистой души. Ну, буде воля Божия. Вам виднее. Грешный архиепископ Варнава»¹³⁸.

Действительно, вскоре по прибытии в Тверскую губернию новоназначенный настоятель Калязинского монастыря подвергся нападкам со стороны местных властей, о чем Варнава сообщил в Москву телеграммой: «16 августа, Макарьевский монастырь в Калязине. Назначенный Патриархом для служения (так! — *М. К.*), стали являться неизвестные штатские, без предъявления мандатов требовать очищения занимаемых мною в монастырском корпусе 3 комнат, а также освобождения помещений наместника и казначея монастыря. Несмотря на все доводы мои, просьбы, ввиду [сооб]щения местными властями принужден был подчиниться, поставленный после ряда проповедей перед народом в странное положение. Приношу жалобу на действия, прошу телеграфом предписать расследование через местный исполком, заявляя, что без ограждения моей личности, неприкосновенности моего имущества вынужден оставить совершенно Макарьевский монастырь, возвратиться в Москву на покой. Архиепископ Варнава»¹³⁹. 20 августа А. Ф. Филиппов ответил Варнаве телеграммой: «[В] Калязин Тверской монастырь архиепископу Варнаве. ~~Скоро~~ буду лично. ~~Прошу верить~~: приняты самые серьезные меры ограждения Вас, монастыря ~~от насилия~~. Переговорите на основании депеши [с] местными властями. Алексей Филиппов»¹⁴⁰.

В письме Филиппову от 18 августа Варнава более детально описал события, происшедшие в Калязинском монастыре. «Дорогой Алексей Фролович, мир ти и Божие благословение. Жду, жду Вашей помощи, и, пока ждал, пришлось выбираться из того помещения, которое было отведено, и вышло это очень курьезно. Сегодня я (4-го ст[арого] стиля) после литургии и, чтобы дать народу тон, за великим выходом поминал правителей, палату и воинство (подчеркнуто в документе.— *М. К.*) и в беседе тоже проводил мысль ту, что не нужно противодействовать, а нужно смотреть на действующую власть мирными очами, что они — люди русские и что я с уверенностью могу сказать, что эта власть именно идет навстречу нуждам народа и нуждам церкви и что только нужно терпение, нужно объединение, и вы увидите плоды... И что же, плоды увидел первый я и второй Олег. Нам приказано в трехдневный срок очистить то помещение, которое ранее занимал один я, а теперь мы трое. И я должен был после службы немедля перетаскивать вещи, так что выходит, что большевики — мы, а черносотенцы — они. Олег тоже очень умно, удачно и внятно вставлял в акафистах и прошениях слова, т[ак] к[ак] мы задались мыслью более или менее быстро объединить этот округ. Но что же получается? Но я все еще чаю, что будет же ли какая-либо нам поддержка, ведь и я, и Олег взяли за дело не денег ради. Меня не могут упрекнуть, что я просил какой-либо субсидии, или заискивал у кого-либо, или действовал в каких-либо интересах. Нет и нет! Я поминал за то внимание, которое я видел, верю и чутьем вижу, что дело для народа и родины полезное, и получаю оплеуху, да от кого? Каких[-то], извини, хулиганов. Сегодня, может быть, было около 5000 народу, если даже не все десять, это был крестный [ход] около города, и я опять говорил в соборе и в народе, что верней и надежней эта власть, чем...¹⁴¹ — а нам в это время шлепки. Положим, что все такие комары, что стоит кому-либо сверху дать щелчок — и все готово. Ах, Алексей Фроло-

вич, а какая тут нива, и сколько тут можно поработать, и как мудра была Ваша мысль, что этот Бог ее дал и ее надо сохранить! Ох, если бы тут были свои люди. Ради Бога приезжайте. Как бы кстати сейчас привезти этот посох или хотя что, и все бы тут присело. Кстати, еще не забудьте, вед[ь] у вас реквизированы магазины Брокер и Ферейна, то ради Бога возьмите там фунта два-три ладану и фимиаму, он в коробках, и на него, я думаю, охотников мало — это не духи и пудра. Твой а. В. (архиепископ Варнава)»¹⁴².

Время шло, а взаимоотношения Варнавы с местными властями не складывались, о чем свидетельствуют 2 письма архиепископа Филиппову, ориентировочно датируемые 20-ми числами августа 1919 г.: «Дорогой А. Ф., куда я еще сижу в двух сырых комнатах и никакой узды не вижу. Напротив, вижу, как увозят из моих бывших (тоже трех, но одна просторная) комнат остальное. А куда, и почему, и по чьему приказу, нам знать сего не дано... Но прямо опускаются руки... На днях говорил с благочинным сдешних (так! — М. К.) церковей и окрестных, очень умный человек. Но боюсь, что и его постигнет то, что меня... Повторяю, выходит то, что кто хочет работать для Вас, того хлопают, еще слава Богу пока по маховке (так! — М. К.). Да неужели так трудно приехать и видеться лично? Я Вам повторяю: тут много полезных людей и готовых работать. Кстати, вот поедете, захватите Сычева, он тут был бы zelo полезен. Оля (архимандрит Олег. — М. К.) хандрит и блажит между нами. Архиепископ Варнава»¹⁴³.

«Родной, не потеха ли, и, в общем, не болваны ли! Я там еле волочу ноги, иду вокруг города, чуть ли не [на] каждой остановке веду речи о том, чем они дышат, о почитании власти, о доверии к власти (положим, я считаю и чту власть московскую, о которой говорю), говорю, что ведь и в новую постройку зараз не войдешь: нужно [собрать (?) убрать (?)] обрубки бревен, опилки, остатки теса, стружек, кирпича и мусора, да и то после трех-четырех лет бывает осадка, разрушка [конопатки (?)]. Как же мы хотим, [чтобы] зараз перестроилось целое Русское государство и предъявляем непомерные требования к власти, когда сами виноваты и бездействуем? Приглашаю к себе в обитель и говорю народу: ведь я вам не чужой, я такой же крестьянин и гонения я терпел не от большевиков, а по доносу проходимцев, и вина моя там, что как я смел, как дерзнул пройти из мужиков в архиереи (повторяю, что я позвал народ в обитель, там, где поговорим попросту, по душам, в трапезной). И что бы Вы думали? Когда прихожу домой, то оказывается, что монахи спешно вытаскивают из трапезной иконы. На вопрос, в чем дело, отвечают: “Приказано убрать”. Приезжали из города каких[-то] два молокососа, которым, скажу по истине, место на фронте. Но я прямо расхохотался. Да мне не трапезная, а мне двадцать комнат мало, если я разовью дело. Но, дорогой, покажи это нашим друзьям, и они, я уверен, поймут (Ф. Е.¹⁴⁴) и проч. Простите, родной, что беспокою, пусть и они простят меня, но я и Олег, бедный, от расстройства заболели. Без него я как без рук. Доложи и то, что, если бы тут еще попам пообещать немного жалования, я бы их голыми руками взял, да еще в Олонию проехался, там голая нищета. Поняли? Но Бога ради и дела ради, общегосударственного, обуздайте этих болванов, подрывающих в корне дело. Дайте мне

право просто, по-русски выгнать их вон из монастыря. Олег и слуга монах перебрались в две комнатки-клетушки, чтобы не натолкнуться на бóльшую неприятность. Есть тут и чудный человек — военный руководитель, приедете — увидите. По-моему: дайте ему власть и дайте мне помощь»¹⁴⁵.

22 августа 1919 г. Филиппов, к тому времени уже возглавивший «Исполкомдуха» и вошедший в штат Секретного отдела ВЧК, официально обратился в Президиум ВЧК по поводу архиепископа Варнавы, представив его письма. «Всероссийской чрезвычайной комиссии. Президиум. Прилагая при сем полученную мною депешу архиепископа Варнавы, месяц тому назад посланного патриархом в Калязин (Макарьевский монастырь) Тверской губернии, я, как гражданин и почитатель Варнавы, прошу расследования и указаний местным властям относительно содействия архиепископу в служении и общении с народом. Подлинник (затруднительно читаемый по неразборчивости почерка Владыки) двух его писем и копии при сем представляю. Лично могу засвидетельствовать, что деятельность Варнавы со времени его освобождения из Бутырок всецело направлена к сближению масс с Советской властью и внесению успокоения на почве понимания действий власти. Это подтверждается содержанием частных писем Варнавы ко мне (прилагаемых) и, кроме того, устным сообщением одной слушательницы проповедей Варнавы в Калязине, случайно бывшей на торжествах и крестном ходе, где говорил Варнава (я поручил ей письменно изложить свои впечатления). [Он]а — кастелянша глазной больницы на Тверской и, кажется, партийная (б[ольшевик])¹⁴⁶. Прошу комиссию в порядке надзора, инструктирования местных властей преподать Калязинскому исполкому руководящие указания относительно служителей церкви, явно и открыто, а главное, самостоятельно и без какого-либо материального интереса занимающих позицию сочувствующих Советской власти и ее действиям»¹⁴⁷. Ни о реакции Президиума ВЧК на докладную записку Филиппова, ни о том, чем закончилось столкновение Варнавы с местными властями и остался ли он настоятелем Калязинского монастыря, чекистское архивное дело информации не дает¹⁴⁸. Единственное, что можно утверждать с полной уверенностью, что Варнава по-прежнему был «втянут в работу ЧК»¹⁴⁹.

23 марта 1920 г. председатель «Исполкомдуха» направил в ВЧК заявление следующего содержания: «Воскресенский, Новый Иерусалим именуемый, монастырь... остается закрытым. Ввиду приближения христианского всеобщего праздника Воскресения Христова «Исполком по делам духовенства» ходатайствует о разрешении открыть к празднику Пасхи храмы обители для богослужения и самую обитель с организацией ее на трудовых коммунальных началах. Такое разрешение доставило бы неоспоримую радость и утешение гражданам православного исповедания и явилось бы достойным актом охранения памятника высокохудожественной ценности и значения»¹⁵⁰. К заявлению Филиппов приложил телеграмму архиепископа Варнавы от 31 марта 1920 г.: «[В] ВЧК Ксенофонтову... Надеюсь содействием Вашим открыть [к] светлому празднику Новый Иерусалим. Любовно памятую всех. Архиепископ Варнава»¹⁵¹. Секретный отдел ВЧК переправил оба документа в

VIII отдел Наркомюста, сопроводив их резолюцией М. И. Лациса от 3 апреля 1920 г.: «Препятствий с нашей стороны не встречается»¹⁵².

Одновременно, в марте—апреле 1920 г., А. Ф. Филиппов обратился к ответственному сотруднику VIII отдела Наркомюста И. А. Шпицбергу с просьбой содействовать «открытию Нового Иерусалима (Воскресенского) для Варнавы»¹⁵³. Однако ни Шпицберг, ни его начальник П. А. Красиков, не любившие Филиппова, особой готовности поддержать Варнаву не выказали. 6 апреля 1920 г. из VIII отдела председателю Воскресенского исполкома было послано следующее распоряжение: «Секретно. В VIII отдел поступило ходатайство 1) о разрешении отслужить на Пасху епископу Варнаве богослужение в храме Новоиерусалимского монастыря; 2) открыть монастырь, организовав в нем трудовую коммуну (по-видимому, из б[ывших] жителей монастыря). VIII отдел по первому пункту ходатайства всецело предоставляет местному исполкому решить этот вопрос, сообразуясь со всеми местными условиями, т. е. является ли это ходатайство результатом желания широких трудящихся масс, насколько отказ во временном открытии — служить в монастыре вызовет их серьезное недовольство, есть ли возможность населению отправлять богослужение в других местных храмах, каковы были обстоятельства закрытия храмов, какое влияние эта церемония производит на состав населения советских предприятий, находящихся в монастыре и т. д. Относительно 2-го пункта, присоединенного к этому ходатайству и, по-видимому, не стоящего ни в какой связи с 1-м, необходимо разъяснить, что, если план использования монастырских зданий и хозяйства уже осуществляется исполкомом по известным заданиям, возврат их в обладание монахам составляет вопрос чисто местного хозяйства и никаким образом ходатайство сие не может быть удовлетворено распоряжением из VIII отдела»¹⁵⁴.

Из-за неудачи с Новоиерусалимским монастырем сотрудничество Варнавы с «Исполкомдухом» не прекратилось и продолжилось вплоть до ареста Филиппова в сентябре 1920 г.¹⁵⁵ Последним известным эпизодом этого сотрудничества стала попытка сближения Варнавы с бывшим Пензенским архиепископом, отлученным от Церкви, — Путятой¹⁵⁶ также закончившаяся неудачей. В последнем случае главной причиной неудачи стала борьба иерархов за главенство в церковном расколе¹⁵⁷. В конце 1920 г. Лацис констатировал противоречия между главными церковными раскольниками: «Варнава не с ним (Путятой. — М. К.). Он чересчур хитер, чтобы рисковать»¹⁵⁸.

Известно, что в 1920 г. Варнава был определен на Архангельскую кафедру, но назначения не принял¹⁵⁹. В конце октября 1921 г. на страницах церковной печати появилась информация, что «бывшему архиеп[ископу] Варнаве, находящемуся в Москве, поручено управление Самарской епархией»¹⁶⁰. Однако, судя по всему, и на сей раз архиепископ из столицы не уехал. Об этом свидетельствуют дневниковые записи современника: «[1921/22 г., 31 декабря 1921 г. / 13 января 1922 г.]... На Новый (старый) год был в церкви Спаса на Спасской улице и там служил тоже “выпущенный” — архиепископ Варнава. В своем роде и этот интересен: характернейшее лицо, напоминающее самого Ивана Грозного, и голос какой-то особенный — цепкий и вороватый. Слушал

впервые его проповедничество. Это тоже что-то особенное. Точно баб поучает на каком-нибудь постоялом дворе самыми простыми, житейскими словами, которые и в церкви вызывали смех, как в квартирной или базарной беседе. «Чего вы вините большевиков, что испортили ваших детей? Сами виноваты. Сами вы пьете и детей приучаете.— Что Вы, Иван Иванович, не пьете? — Да я никогда не пью. — Ну что это такое, у нас даже Маничка пьет, а Вы не пьете... Вы где встречали Новый год: у Омона-Момона, у Корша-Лакорша? Пили шампанское, платили десятки и сотни рублей, а ведь не догадались пожертвовать в пользу церкви хоть пустые бутылки... Что посеешь, то и пожнешь. Вместо свеклы малина не вырастет... Нет, что ни говорите, а надо молить большевиков, чтобы они еще годочков на пять остались, чтобы хорошенько вышколить нас” и т. д. Так говорил архиепископ Варнава в храме Божиим. Любопытно было бы послушать его, как он говорит где-нибудь в комнате. Кто-то уверял меня, что это тот самый Варнава, которого в епископы произвел Распутин прямо из огородников и что ему 95 лет. Не врут ли?»¹⁶¹

В марте 1922 г. государственные инстанции рассматривали возможность вовлечения архиепископа Варнавы в обновленческий раскол. В протокол № 1 заседания Комиссии по изъятию ценностей по Московской губернии от 12 марта 1922 г. внесено постановление: «запросить соответствующие органы» относительно «использования... Московского Варна[в]ы»¹⁶².

13 апреля 1924 г. в Москве архиепископ Варнава (Накропин) скончался. Он был погребен в столице. Чин отпевания совершил Патриарх Тихон¹⁶³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В 1917–1922 гг. политику в отношении религиозных организаций осуществляли следующие подразделения ВЧК—ГПУ: с 20 декабря 1917 г. ее проводил Отдел борьбы (по борьбе) с контрреволюцией ВЧК, с 9 декабря (фактически с 17 декабря) 1918 г.— Секретно-оперативный отдел (далее — СОО) ВЧК, с 24 февраля 1919 г.— Секретный отдел (далее — СО) ВЧК, с 3 июня (фактически с июля) 1919 г.— СОО ВЧК, с начала 1920 г.— СО ВЧК (по другим сведениям, с июня/июля 1919 г. и в течение всего 1920 г. отдел вновь именовался секретно-оперативным). В тексте циркулярного письма ВЧК № 2 от 1 октября 1919 г. содержалось упоминание о создании «при ВЧК подотдела по духовенству для борьбы с существующим антисоветским течением среди духовенства, одинаково как православного, так и других исповеданий». Возможно, что речь шла о группе по борьбе с белогвардейскими партиями (кадеты, октябристы, «Союз русского народа», «Союз Михаила Архангела» и «черносотенное духовенство»), функционировавшей в 1919 г. в структуре осведомительного отделения СО ВЧК. До конца 1920 г. в отделе существовали весьма скромные аппараты уполномоченных по политическим партиям, при этом в ведении одного из них находились все левые организации, а в ведении другого — все правые. Лишь в начале 1921 г. (приказом УД ВЧК № 9 от 14 января 1921 г.) в СО были сформированы полноценные специализированные отделения. VII отделение секретного отдела секретно-оперативного управления ВЧК вело работу по линии православной Церкви и религиозного сектантства. 29 ноября 1921 г. VII отделение было переименовано (приказом УД ВЧК № 274) в VI, а VI отделение стало VII. В СО ВЧК—ГПУ за «работу по духовенству» последовательно отвечали следующие сотрудники: Виктор Васильевич Фортунатов (род. в 1898 г.), в мае 1920 г.— январе 1921 г. упол-

- номоченный СО ВЧК по правым партиям и духовенству; Иван Анатольевич Шпицберг (1880–1933 гг.), с 17 мая 1919 г. эксперт VIII отдела Народного комиссариата юстиции, с мая 1920 г. следователь по особо важным делам VIII отдела Наркомюста, с декабря 1920 г. юрисконсульт ВЧК, параллельно с 1 января 1921 г. уполномоченный (на правах начальника) VII отделения СО ВЧК, уволен из ВЧК в конце мая 1921 г.; Фотий Львович Ильиных (род. в 1875 г.), с 25 апреля 1921 г. помощник уполномоченного VII отделения СО ВЧК, с 24 июня 1921 г. уполномоченный (на правах начальника) VII отделения СО ВЧК, 28 августа 1921 г. освобожден от должности; Анатолий Федорович Рутковский (1894–1943 гг.), с 1 сентября по 26 ноября 1921 г. уполномоченный (на правах начальника) VII отделения СО ВЧК, с 26 ноября 1921 г. по 12 июня 1922 г. начальник VI отделения СО ВЧК–ГПУ.
- ² Из-за отсутствия у архиерея богословского образования он получил прозвище «Огородник».
- ³ Протокол допроса И. И. Восторгова от 4 июня 1918 г. // Православная Москва в 1917–1921 гг.: Сборник документов и материалов. М., 2004. С. 287; Центральный архив ФСБ России (далее — ЦА ФСБ России), д. Р-48566, т. 2, л. 28–20 об.
- ⁴ Эта дата (27 мая по старому стилю / 9 июня — по новому) приведена в протоколе допроса архиепископа Варнавы от 28 ноября 1918 г. (ЦА ФСБ России, д. Р-21618, л. 4).
- ⁵ Аресту предшествовало написание записки, сохранившейся в архивно-уголовном деле протоиерея И. И. Восторгова: «Архиеп[ископ] Варнава, б[ывший] Тобольский. [Знаменитый?] друг Распутина и ярый черносотенец. Живет на покое в одном из монастырей Нижегородской епархии. Имею сведения, что поддерживает прежние связи, к нему наезжают и пр[оч]. Способен вести противосоветскую агитацию и взбаламутить широкие круги Нижегородской губернии. Предписать Нижегородскому “Совдепу” установить строжайший, неослабный надзор за ним» (Подлинник рукописной записки, написанной почерком сотрудника ВЧК Аркадия Антонова (без даты [20-е числа мая 1918 г.]; без подписи; без адресата) (ЦА ФСБ России, д. Р-48566, т. 9, л. 15)).
- ⁶ Известия ВЦИК. 1918. № 111, 2 июня. С. 7; № 118, 11 июня. С. 7; № 119, 12 июня; № 120, 13 июня. С. 6; № 133, 29 июня. С. 4; Революция и церковь. 1919. № 2. С. 7, 27; Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии, 1917–1921 гг. М., 1958. Документы 104, 108, 110, 111, 121; С. 124, 127–134, 144. См. подробнее: Православная Москва в 1917–1921 гг. С. 281–303, 627–640.
- ⁷ Известия ВЦИК. 1918. № 118. 11 июня. С. 7; Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии, 1917–1921 гг. Документ 108. С. 127–130.
- ⁸ См.: Православная Москва в 1917–1921 гг. С. 281–284, 290–295, 297–303, 639–640; ЦА ФСБ России, д. Р-48566, т. 2, л. 11–14 об., 16–18, 38–38 об., 46–46 об., 56. О том, что Погарев был провокатором, заявлял в ходе следствия протоиерей Иоанн Восторгов. В письме от 31 августа 1918 г. управляющему делами Совета народных комиссаров (СНК) В. Д. Бонч-Бруевичу протоиерей Иоанн писал: «Роль этого Погарева являет собою самую яркую форму провокаторства, с таким отношением к членам Чрезвычайной комиссии, которое даже вчуже обидно для всякого носителя власти, ибо в бумаге своей, приложенной к моему делу, подписанной Погаревым и озаглавленной им “К сведению”, он запанибрата обращается к представителям Чрезвычайной комиссии, делая им лаконические указания, на что надо обратить внимание» (ГА РФ, ф. 353, оп. 2, д. 482, л. 2–3). Об этом же протоиерей Иоанн писал в прошении, направленном 31 августа 1918 г. в Следственную комиссию верховного трибунала: «Погарев... дававший какие-то записки кому-то в Чрезвычайную комиссию, подшитые к моему “делу” и озаглавленные в коротком томе “К сведению”... Отыскать Погарева и определить его личность нетрудно: его знают лица, производившие у меня обыск, его знает следователь Косарев, его знают и те лица, которые брали у него запросто и в коротком тоне небрежно набросанные заметки “К сведению”» (Православная Москва в 1917–1921 гг. С. 297–303; ЦА ФСБ России, д. Р-48566, т. 2, л. 110–117; ГА РФ, ф. 353, оп. 2, д. 482, л. 4–10).

- ⁹ Федор Михайлович Косарев (Косырев) при царском режиме за убийство с целью грабежа был осужден судом присяжных на 10 лет каторги, каковые не отбыл полностью, так как был частично амнистирован. Зачастую пользовался чужими документами, в частности на имя Алексея Алексева. В начале 1918 г. поступил в ВЧК в качестве следователя (по рекомендации чекиста А. М. Трепалова), с 15 сентября 1918 г. при содействии Ф. Э. Дзержинского был назначен на должность заместителя председателя Контрольно-ревизионной коллегии ВЧК, которая «имела задачей проверку закономерности действий всех остальных органов ВЧК, право истребования и просмотра любого дела в любой стадии производства и отмены решений всех остальных органов кроме Президиума ВЧК». Выдавал себя за политкаторжанина. Будучи беспартийным, при переписи служащих ВЧК в сентябре 1918 г. указал партстаж с 1907 г. В декабре 1918 г. был арестован по обвинению в вымогательстве крупной суммы денег у родственников арестованного. Дело слушалось в Московском революционном трибунале с 13 по 16 февраля 1919 г. 16 февраля 1919 г. был вынесен расстрельный приговор («будучи чуждым революции и социализму, он ложно выдал себя за пострадавшего революционера»). Важно отметить, что Дзержинский отказался давать суду показания, протестуя против оглашения подробностей дела, полагая, что «при том походе, который поднят против чрезвычайных комиссий... Косарев падет жертвой в борьбе, быть или не быть комиссиям». При этом Дзержинский характеризовал обвиняемого в качестве одного из лучших следователей ВЧК (Правда. 1919. 14, 15, 18 февраля; Известия ВЦИК. 1919. 14, 18 февраля; *Крыленко Н. В.* За пять лет, 1918–1922 гг.: Обвинительные речи по наиболее крупным процессам, заслушанным в Московском и Верховном революционных трибуналах. М., 1923. С. 14, 507, 521, 524; ГА РФ, ф. 3524, оп. 1, д. 10, л. 313 (анкета Ф. М. Косарева); *Капчинский О.* Госбезопасность изнутри. Национальный и социальный состав. М., 2005. С. 92, 192–193, 242–243). В документальном сборнике «Православная Москва в 1917–1921 гг.» (С. 290, 293, 294) указаны иные инициалы Косарева (а именно: «Д.» и «Дм.») со ссылкой на соответствующие листы архивно-уголовного дела «восторговцев» (ЦА ФСБ России, д. Р–48566, т. 2, л. 6 об., 11, 56). Ошибка является следствием неправильного прочтения рукописного текста подлинника.
- ¹⁰ Мартын (Мартин, Ян) Иванович (Пиндрикович, Фридрихович) Лацис (Судрабс) (1888–1938 гг.), в мае–ноябре 1918 г. член ВЧК, с ноября (по другим сведениям с мая) 1918 г. по 6 февраля 1922 г. член коллегии ВЧК, с 20 мая по июль 1918 г. заведующий Отделом по борьбе с контрреволюцией ВЧК, с 16 июля по ноябрь 1918 г. председатель ЧК при СНК РСФСР по борьбе с контрреволюцией на Чехословацком (Восточном) фронте, в октябре–ноябре 1918 г. председатель Казанской губЧК (по совместительству), с ноября (по другим сведениям с декабря) 1918 г. по февраль 1919 г. заведующий СОО ВЧК, в апреле–августе 1919 г. председатель Всеукраинской ЧК, с 16 августа 1919 г. председатель Киевской губЧК, с октября 1919 г. по сентябрь 1920 г. заведующий СО/СОО ВЧК.
- ¹¹ Православная Москва в 1917–1921 гг. С. 294–295; ЦА ФСБ России, д. Р–48566, т. 2, л. 56.
- ¹² Известия ВЦИК. 1918. № 133, 29 июня; Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии, 1917–1921 гг. Документ 121. С. 144.
- ¹³ Приказ ВЧК о «красном терроре» от 2 сентября 1918 г. // История сталинского ГУлага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собрание документов: В 7 т. Т. 2. Карательная система: Структура и кадры. М., 2004. С. 523.
- ¹⁴ Постановление СНК РСФСР о «красном терроре» от 5 сентября 1918 г. (Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1918. № 19. 5 сентября. Отд. 1. Ст. 710).
- ¹⁵ В прошении протоиерея Иоанна Восторгова в Следственную комиссию верховного трибунала от 31 августа 1918 г., в частности, говорилось: «Оказывается, по словам Погарева, что, когда он, Погарев, разговаривал со мною в одной комнате, в которой находился архиепископ Варнава, который, однако, в действительности в один

- со мною день арестован в Нижегородской губернии» (Православная Москва в 1917–1921 гг. С. 297–303; ЦА ФСБ России, д. Р–48566, т. 2, л. 110–117).
- ¹⁶ Ефрем (Кузнецов; 1875/76–1918 гг.), 20 ноября 1916 г. хиротонисан во епископа Селенгинского, викария Забайкальской епархии, отстранен Священным Синодом от должности после февраля 1917 г., участвовал во Всероссийском Поместном Соборе, замещая епископа Забайкальского и Нерчинского Мелетия (Заборовского), 22 января 1918 г. выступил на Соборе с докладом, характеризуя большевизм как сатанизм и антихристианство, называл революционную смуту карой Божией за верототупничество, измену и предательство, обличал интеллигенцию, подготовившую свержение монархии. Во время работы Собора жил на квартире протоиерея Иоанна Восторгова, вместе с которым и был арестован 30 мая (по другим сведениям 31 мая или 2 июня) 1918 г. Традиционно принято было считать, что оба они были расстреляны 5 сентября (23 августа). Вместе с тем в тексте постановления Следственной комиссии революционного трибунала при ВЦИК от 8 сентября и в тексте протокола № 12 Президиума ВЦИК от 14 сентября 1918 г. Владыка Ефрем упоминается в числе живых.
- ¹⁷ Николай Юрьевич (Георгиевич) Варжанский (1881–1918 гг.), кандидат богословия, с 14 марта 1911 г., оставаясь в должности московского епархиального миссионера-проповедника, состоял на службе в канцелярии Святейшего Синода. На Поместном Соборе 1917–1918 гг. исполнял обязанности делопроизводителя Отдела о внешней и внутренней миссии и о церковной дисциплине. Арестован 30 мая 1918 г. на квартире протоиерея Иоанна Восторгова вместе с протоиереем Иоанном и епископом Ефремом (Кузнецовым), расстрелян.
- ¹⁸ ГА РФ, ф. 1235, оп. 35, д. 12, л. 9; оп. 93, д. 201, л. 145. Аргументация принятого решения содержалась в тексте постановления «Следственной комиссии революционного трибунала при ВЦИК о дальнейшем направлении дела по обвинению Восторгова, епископа Ефрема, епископа Варнавы, священника Варжанского в контрреволюционной деятельности в связи с изъятием из производства Комиссии дела Восторгова. 8 сентября сего года Следственная комиссия в связи с последовавшим на основании постановления Президиума ЦИК (так в тексте.— М. К.) изъятием из производства Комиссии дела по обвинению Восторгова в контрреволюционной деятельности и ликвидации указанного дела внесудебным порядком и принимая во внимание, что обвиняемый (так в тексте.— М. К.) по тому же делу с расстрелянным Восторговым епископ Ефрем, епископ Варнава и свящ[енник] Варжанский достаточно уличаются собранным следственным материалом как явные контрреволюционеры и активные деятели в пользу монархической реставрации, действовавшие все время совместно с Восторговым и по соглашению с ним, но что тем не менее собранные следственные данные об их деятельности не дают достаточно яркой и полной картины таковой без сопоставления и одновременно раскрытия на суде аналогичной деятельности Восторгова, дело которого уже изъято из производства Комиссии, что, таким образом, все следствие о названных обвиняемых не может быть признано достаточно полным и законченным для изолированной постановки на суд Трибунала вне дела Восторгова, постановила: возбудить перед Президиумом ЦИК (так в тексте.— М. К.) ходатайство об изъятии равным образом из производства Комиссии и дела по обвинению Ефрема, Варнавы и Варжанского для ликвидации и указанных дел внесудебным порядком. Член Следственной комиссии (подпись). Копия верна: Секретарь ВЦИК» (ГА РФ, ф. 1235, оп. 93, д. 201, л. 146).
- ¹⁹ Известия ВЦИК. 1918. № 208(472). 25 сентября. С. 5.
- ²⁰ Николай Алексеевич Скрыпник (1872–1933 гг.), с июля (или августа) по декабрь 1918 г. заведующий отделом по борьбе с контрреволюцией ВЧК.
- ²¹ Владимир (Путята; 1869–1936 гг.), архиепископ. В августе 1917 г. был отстранен Синодом от управления Пензенской и Саранской епархией вследствие обвинения в изнасиловании. Обвинение не подтвердилось, и Владимир был оправдан Судной комиссией Соборного Совета. За отказ повиноваться священноначалию и поселиться в монастыре, а также за обращение за содействием в разрешении внутрицерковного

конфликта к гражданским властям Поместным Собором (Собором епископов) в апреле 1918 г. Владимир был лишен архиерейского сана с оставлением в монашестве; в соборном определении проступок Владимира назван «церковной смутой, мятежом и церковным большевизмом». 23 мая 1918 г. Патриарх и Синод отлучили Путьяту от Церкви за то, что, будучи под запрещением, он совершал священнослужение. Летом—осенью 1918 г. сторонники Путьяты в Пензе при его подстрекательстве захватывали храмы и создавали раскольнические структуры (Пензенский епархиальный народный совет). После неудачных попыток в августе—ноябре 1919 г. примириться с Церковью (просьба к Патриарху о снятии отлучения и о восстановлении в правах правящего архиерея) Путьята осенью 1919 г. при поддержке ВЧК основал в Пензе и возглавил «Православную Свободную Народную Церковь». Целью этого объединения провозглашалось восстановление «в первобытной чистоте» искаженного «современным фарисейством» евангельского учения, а также «планомерная работа, облегчающая гражданской власти проведение в жизнь важнейших современных общегосударственных узаконений, наиболее тесно связанных с Церковью, каковы: отделение Церкви от государства, гражданский брак и развод, имущественный вопрос» («Программа Православной Свободной Народной Церкви», 22 ноября 1920 г. С. 1–8 (типографский текст)). Чекисты не исключали возможности «путем судебного нарочито созданного процесса против Патриарха удалить его» и поставить во главе Русской Церкви б[ывшего] архиепископа Пензенского (ЦА ФСБ России, д. Р–27993, л. 23 об.). Однако создать новый центр церковной власти во главе с Путьятой ни в Пензе (в 1919–1920 гг.), ни в Казани (в 1921 г.) так и не удалось.

²² Александр Дмитриевич Самарин (1868–1932 гг.), в 1908–1915 гг. московский губернский предводитель дворянства, с 1912 г. член Государственного совета, с 5 июля по 26 сентября 1915 г. исполнял должность обер-прокурора Святейшего Синода, в июне 1917 г. выдвинут кандидатом в московские митрополиты, однако избран не был. Участник Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг., с 7 марта 1918 г. исполнял обязанности второго товарища председателя Поместного Собора от мирян; возглавил делегацию Собора, вручившую народному комиссару юстиции Д. Курскому декларацию Собора по поводу декрета об отделении Церкви от государства и школы от Церкви. 15 августа 1919 г. арестован, в 1920 г. осужден Московским революционным трибуналом по обвинению в «организации контрреволюционного общества под названием Совет объединенных приходов города Москвы», председателем которого он состоял с начала 1918 г., приговорен к расстрелу с заменой этой меры «заключением в тюрьму впредь до окончательной победы мирового пролетариата над мировым империализмом» (затем срок последовательно сокращался до 25, 5 и 2,5 лет). Весной 1922 г. был освобожден, однако в 1925 г. вновь арестован. 21 мая 1926 г. приговорен к 3 годам ссылки в Якутию «за участие в черносотенно-монархической группировке “Даниловский синод”». В июне 1929 г., после окончания срока ссылки, переехал в Кострому, где и скончался.

²³ Неофит Порфирьевич Любимов (1846–1918 гг.), протоиерей, с 1914 по 1918 г. настоятель церкви во имя свт. Спиридона Тримифунтского (Москва, ул. Спиридоновка), 21 июля 1918 г. по предложению А. Д. Самарина отслужил в храме панихиду по «убиенному новопреставленному бывшему царю Николае». Вечером того же дня арестован по «обвинению в агитации против советской власти», расстрелян.

²⁴ Борис Владимирович Назаревский, литератор и общественный деятель, активный участник право-монархического движения в Москве. Служил в московском цензурном комитете, в 1906 г. был в числе учредителей «Русского монархического собрания» (РуМоСо). В первом составе Правления РуМоСо исполнял обязанности казначея, а после кончины председателя Собрания В. А. Грингмута (1907 г.) стал товарищем нового председателя протоиерея И. И. Восторгова. В октябре 1908 г. избран членом Главной палаты «Русского народного союза имени Михаила Архангела» (РНСМА). 19 мая 1918 г. арестован, дальнейшая судьба неизвестна.

- ²⁵ Василий Михайлович Скворцов (1859–1932 гг.), русский публицист, издатель, православный миссионер, общественный деятель, активный участник монархического движения. В 1896 г. основал ежемесячный журнал «Миссионерское обозрение», который издавался и редактировался им в течение 20 лет, в 1906 г. начал выпуск ежедневной церковно-политической газеты «Колокол»; с 1910 г. издавал бесплатное популярное приложение «Голосъ истины. Еженедельное иллюстрированное церковно-народное апологетическое издание». В 1901 г. выступил одним из основателей знаменитых Религиозно-философских собраний в Санкт-Петербурге. Состоял членом «Русского собрания», товарищем председателя «Союза правой русской печати». В 1909 — 1-й половине 1915 г. член Главной палаты «Русского народного союза имени Михаила Архангела», принимал участие во Всероссийских съездах русских людей и других монархических мероприятиях. В июне 1915 г. в ответ на «юдофобскую речь» В. М. Пуришкевича вышел из состава РНСМА и совместно с В. Г. Орловым основал «Отечественный патриотический союз» (ОПС), устав которого разрешал прием в члены союза инородцев, в том числе евреев. Одновременно газета «Колокол» стала защищать идею равноправия евреев и поддерживать Прогрессивный блок. Распространились слухи, что Скворцов получил крупную субсидию от банкира Рубинштейна. В этот период от Скворцова и Орлова отмежевались практически все видные правые деятели, их называли «орудиями» министра внутренних дел А. Д. Протопопова. Тем не менее лидеры ОПС оставались на правых позициях. В годы Гражданской войны на юге России Скворцов возглавлял правую организацию «Союз русских национальных общин» (создан в мае 1919 г.), затем эмигрировал.
- ²⁶ Еженедельник чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. 1918. 29 сентября. № 2. С. 20–22.
- ²⁷ Подлинники цитированных выше текстов протоколов допросов Варнавы (Накропина) от 19 и 21 сентября 1918 г. не сохранились. По крайней мере, они отсутствуют в архивно-уголовном деле «восторговцев» (ЦА ФСБ России, д. Р–48566).
- ²⁸ Ср.: «Как только допрашиваемый заметил, что его показания заносятся в протокол, он сразу ожил и с темпераментом начал излагать свой план организации “Советской православной церкви”... лишь бы избежать наказания. Конечно, нельзя верить в искренность признаний этих “шкурников”» (*Памят. Князя церкви // Известия ВЦИК*. 1918. № 208(472), 25 сентября. С. 5).
- ²⁹ Еженедельник чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. 1918. 29 сентября. № 2. С. 20.
- ³⁰ *Памят.* Указ. соч. С. 1.
- ³¹ Беднота (орган ЦК РКП(б)). 1918. № 149, 26 сентября. С. 1.
- ³² Правда. 1918. № 205. 24 сентября. С. 2.
- ³³ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА), ф. 831, оп. 1, д. 7, л. 84; д. 149, л. 1.
- ³⁴ РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 149, л. 5.
- ³⁵ Евдоким (Мещерский; 1869–1935 гг.), 4 января 1904 г. хиротонисан во епископа Волоколамского, викария Московской епархии, с 1 августа 1909 г. епископ Каширский, викарий Тульской епархии, с 29 июля 1914 г. архиепископ Алеутский и Североамериканский. В 1917–1918 гг. участвовал в работе Поместного Собора Православной Российской Церкви. С 18 ноября 1918 г. архиепископ Нижегородский, стремился наладить отношения с советской властью, декларируя полную политическую лояльность. 16 июля 1922 г. присоединился к обновленческому движению, с 2 ноября 1922 г. обновленческий «митрополит Одесский», 13 апреля 1923 г. назначен председателем Высшего Церковного Совета, в 1923–1924 гг. профессор Московской богословской обновленческой академии, с августа 1923 г. председатель обновленческого Синода, с сентября 1924 г. официально отправлен в отпуск, отстранен из руководства Синодом, в 1925 г. официально снят с должности председателя, номинально числился постоянным членом президиума обновленческого Синода. В 1934 г. уволен на покой.

- ³⁶ На рапорте архиепископа Евдокима имеются рукописные пометы: 1) «уволить», 2) «№ 9445. 8-21/ХІІ 1918 года» (РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 149, л. 4). В «Православной энциклопедии» ошибочно указана другая дата увольнения – 10 декабря 1918 г. (*Павлова А., Пивоваров Б., прот. Варнава (Накропин)* // Православная энциклопедия. Т. 6. М., 2003. С. 652–653).
- ³⁷ ГА РФ, ф. 353, оп. 3, д. 737, л. 189–190 об.
- ³⁸ ЦА ФСБ России, д. Р–21618, л. 4–4 об.
- ³⁹ ГА РФ, ф. 353, оп. 3, д. 737, л. 191–191 об.
- ⁴⁰ По-видимому, именно Филиппова имел в виду Варнава, когда говорил на допросе в ВЧК о том, что в Бутырской тюрьме его навещал только «еврей, который принес ему пищу».
- ⁴¹ *Антонов В. С.* Тайные информаторы Кремля—2: С них начиналась разведка. М., 2003. С. 15–27; *Банкир из ВЧК* // Очерки истории российской внешней разведки: В 6 т. Т. 2. 1917–1933. М., 1996. С. 19–24; *Лебедев С. К.* Алексей Фролович Филиппов: Литератор, банкир и чекист // Из глубины времен: Альманах (Санкт-Петербург). 1998. № 10. С. 153–171; *Ф. Э. Дзержинский* – председатель ВЧК–ОГПУ: Сборник документов. 1917–1926 гг. / Сост. А. А. Плеханов, А. М. Плеханов. М., 2007. С. 35–36, 674; и др.
- ⁴² *Хинштейн А. Е.* Тайны Лубянки. М., 2008. С. 152–153, 196–199; ЦА ФСБ России, д. Р–27993, л. 54; и др. Вместе с тем, по информации внука А. Ф. Филиппова А. В. Филиппова, А. Ф. Филиппов в 1916 г. женился на М. Н. Шамраевой, в 1917 г. у них родился сын Владимир. Впрочем, в анкетных сведениях за 14 сентября 1920 г. в графе «семейное положение» А. Ф. Филиппов указывал, что он холост (ЦА ФСБ России, д. Р–27993, л. 15–15 об.).
- ⁴³ Архив Управления ФСБ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, д. П–93201, т. 5, л. 78–98, 103–112 об., 126–127 об., 129–140.
- ⁴⁴ Степан Григорьевич Рункевич (1867–1924 гг.), писатель-историк, археограф, педагог и церковный деятель. С 1901 г. обер-секретарь Святейшего Синода, в 1902 г. получил степень доктора церковной истории, с 1903 г. член Учебного комитета при Святейшем Синоде, с 1911 г. помощник управляющего Канцелярией Святейшего Синода, с 1912 г. неперенный член Медицинского совета МВД. В 1917–1918 гг. участвовал во Всероссийском Поместном Соборе в Москве, в 1919–1920 гг. профессор церковной истории Московской Духовной академии; в 1920–1922 гг. научный сотрудник Главархива и одновременно Главного управления кустарной и промысловой кооперации ВСНХ и Наркомзема.
- ⁴⁵ Н. П. Вышеславцев (Вышеславский), в 1919 г. член и секретарь Московского епархиального совета.
- ⁴⁶ Возможно, речь идет о служителе Евангелическо-Лютеранской Церкви в России, члене правления Московской консистории асессоре А. Зигфриде (церковь Св. Петра и Павла, Москва).
- ⁴⁷ Михаил Христофорович Цакуль (польск. *Michał Cakul*) (1885–1937 гг.), ксендз. Служил викарием в Гомеле, с 1910 г. – в селе Рудня-Шлягина, осенью 1912 г. переехал в Симбирск, в 1916 г. переведен в Москву, служил в церкви святых Петра и Павла, а также в церкви Непорочного зачатия Девы Марии, с лета 1919 г. настоятель церкви Непорочного зачатия. Трижды был арестован по подозрению в шпионаже в пользу Ватикана, 13 апреля 1931 г. арестован по групповому делу католиков Москвы, обвинялся в контрреволюционной и антисоветской деятельности, выслан из Москвы с запретом проживания в 12 крупнейших городах и пограничных территориях, жил в Тамбове. В декабре 1933 г. получил разрешение вернуться в Москву в качестве настоятеля церкви святых Петра и Павла (и церкви Непорочного зачатия Девы Марии(?)). Последний раз был арестован 3 мая 1937 г., приговорен к расстрелу. Реабилитирован Главной военной прокуратурой РФ 25 апреля 1997 г.
- ⁴⁸ Владимир Владимирович Абрикосов (1880–1966 гг.), с 1917 г. католический священник Церкви восточного обряда, настоятель московского католического прихода

Рождества Пресвятой Богородицы, духовник московской доминиканской общины, 16 августа 1922 г. арестован, выслан за границу. Организатор Комитета русских католиков в Риме, информировавшего папскую комиссию «Pro Russia» о католических священниках и мирянах, находящихся в заключении в СССР.

⁴⁹ Леонид Иванович Федоров (1879–1934/35 гг.), 25 марта 1911 г. возведен в сан католического священника восточного обряда, 31 мая 1917 г. митрополитом А. Шептицким назначен экзархом русских католиков / российских греко-католиков. В тот же день возведен в сан протопресвитера. Настоятель церкви Сошествия Св. Духа в Петрограде, 18 января 1923 г. митрополитом А. Шептицким назначен (по совместительству) экзархом католиков восточного обряда в Белоруссии. Арестован 23 февраля 1923 г., приговорен к 10 годам лишения свободы. 26 апреля 1926 г. по ходатайству Польского Красного Креста (?) досрочно освобожден с запрещением проживать в 6 крупных городах, поселился в Калуге, 10 августа 1926 г. арестован в Могилеве. 18 сентября 1926 г. приговорен к 3 годам концлагеря. Был освобожден (13 августа 1929 г.; в 1929–1931 гг. был в ссылке в Пинеге Архангельской области) и арестовывался вновь (в начале 1931 г., после ареста, место ссылки было изменено на деревню Губино Котласского района). В ноябре 1933 г. освобожден с запрещением проживать в 12 крупных городах. Умер в ссылке в Вятке.

⁵⁰ ГА РФ, ф. 353, оп. 5, д. 232, л. 1–4.

⁵¹ Там же, л. 5–6; Следственное дело Патриарха Тихона: Сборник документов по материалам ЦА ФСБ РФ. М., 2000. С. 225–228.

⁵² Сергей (Страгородский; 1867–1944 гг.), 25 февраля 1901 г. хиротонисан во епископа Ямбургского, викария Петербургской епархии, с 6 октября 1905 г. архиепископ Финляндский и Выборгский. В 1906 г. участвовал в сессии Святейшего Синода, председательствовал в Учебном комитете. С 6 мая 1911 г. член Святейшего Синода, с 4 апреля 1913 г. по 14 января 1915 г. исполнял обязанности Председателя Миссионерского совета при Святейшем Синоде. Участник Поместного Собора 1917–1918 гг. С 10 августа 1917 г. архиепископ Владимирский и Шуйский, 28 ноября того же года возведен в сан митрополита, с 1922 г. епархией не управлял. В январе 1921 г. арестован и длительное время находился в Бутырской тюрьме. На Пасху он был выпущен на свободу. Известно, что за него поручился лишенный сана архиепископ Владимир (Путята). Основанием для ареста митрополита послужил бракоразводный процесс. После заседания Синода, на котором Путяте в восстановлении в сане было отказано, митрополита Сергея выслали в Нижний Новгород.

⁵³ Иларион (Троицкий; 1886–1929 гг.). Член Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг., 23 марта 1919 г. арестован по обвинению в «агитации против советской власти и произнесении с амвона погромных речей». 25 мая 1920 г. хиротонисан во епископа и назначен на должность епископа Верейского, викария Московской епархии, один из ближайших помощников Патриарха Тихона по управлению Московской епархией.

⁵⁴ Никандр (Феноменов; 1872–1933 гг.), 19 мая 1905 г. хиротонисан во епископа Бакинського, со 2 июня 1905 г. епископ Кинешемским, викарий Костромской епархии, с 15 февраля 1908 г. епископ Нарвский, викарий Санкт-Петербургской епархии, с 20 марта 1914 г. епископ Вятский. Член Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. 1 ноября 1918 г. арестован и несколько месяцев содержался в Бутырской тюрьме. После выхода на свободу рукоположен во архиепископа (7 апреля 1919 г.). В мае–июне 1919 г. принимал участие в работе Священного Синода. В 1919 г. (не ранее 18 сентября) заключен в концлагерь, где находился до 9 сентября 1920 г. 20 октября 1920 г. вновь арестован, в июле 1921 г. освобожден под подписку о невыезде из Москвы. С 1921 г.— член Священного Синода. В том же году назначен на Астраханскую кафедру, но не смог покинуть столицу. С января 1922 г. архиепископ Крутицкий, ближайший помощник Патриарха Тихона. С 22 марта 1922 г. по 23 января 1923 г. находился под арестом в Бутырской тюрьме, 20 марта 1923 г. вновь арестован, привлечен к суду вместе с Патриархом Тихоном, приговорен к ссылке в Среднюю Азию на 3 года, отбывал срок в Чимбае (Каракалпакия),

- затем в Хиве, в 1925 г. освобожден. В ноябре того же года возведен в сан митрополита и направлен в Одессу. В 1927 г. переведен на должность митрополита Ташкентского и Туркестанского. Скончался в Ташкенте.
- ⁵⁵ Николай Александрович Любимов (1858–1924 гг.), кандидат богословия. В 1884–1897 гг. служил инспектором Филаретовского Московского епархиального училища, Московского епархиального училища иконописания, преподавателем Московской духовной семинарии. 6 октября 1897 г. рукоположен во иерея, с 1897 по 1906 г. настоятель московской Девятинной церкви на Пресне, в январе 1906 г. назначен настоятелем Спасо-Преображенской церкви в Пушкинях (Москва), 6 мая 1910 г. рукоположен во протоиерея с оставлением в прежней должности. С 28 сентября 1910 г. председатель Московского епархиального общества борьбы с народным пьянством, с 12 августа 1911 г. протопресвитер, с 1911 по 1918 г. настоятель Успенского собора Кремля. В апреле–июне 1917 г. член Святейшего Синода, член Предсоборного Совета, участник Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг., член Священного Синода (1918–1922 гг.) и Высшего Церковного Совета (1922–1924 гг.). В 1922 и 1923 гг. несколько месяцев находился под арестом.
- ⁵⁶ Вениамин (Казанский; 1873–1922 гг.), 24 января 1910 г. хиротонисан во епископа Гдовского, викария Санкт-Петербургской епархии, с 6 марта 1917 г. архиепископ, с 25 мая (7 июня) 1917 г. Петроградский епархиальный архиерей (архиепископ Петроградский и Ладожский), с 17 июня 1917 г. архиепископ Петроградский и Гдовский, с 14 августа 1917 г. митрополит, участник Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. С 14 августа 1917 г. по 13 августа 1922 г. митрополит Петроградский и Гдовский, с 26 января 1918 г. священноархимандрит Александро-Невской лавры. 28 мая 1922 г. обратился к петроградской пастве с посланием, направленным против обновленческого раскола, после чего был арестован по обвинению в сопротивлении изъятию церковных ценностей, расстрелян.
- ⁵⁷ Следственное дело Патриарха Тихона. С. 843–844.
- ⁵⁸ Там же. С. 225–228.
- ⁵⁹ ГА РФ, ф. 353, оп. 5, д. 232, л. 9–10.
- ⁶⁰ Цит. по: Послание Патриарха Тихона к духовенству от 25 сентября / 8 октября 1919 г. М., 1920. Л. 6.
- ⁶¹ Новые документы о послании Святейшего Патриарха Тихона от 25 сентября (8 октября) 1919 г. / Публ. и коммент. И. Н. Смоляковой // Вестник ПСТГУ. Сер. 2. История. История РПЦ. 2006. № 2(19). С. 162.
- ⁶² Цит. по: Сборник приказов и распоряжений ВЧК–ОГПУ–НКВД Союза ССР. Т. 3. Ч. 1. С. 44–46.
- ⁶³ Следственное дело Патриарха Тихона. С. 225–226.
- ⁶⁴ Новые документы о послании... С. 163.
- ⁶⁵ Следственное дело Патриарха Тихона. С. 225–226.
- ⁶⁶ *Филитов А. Ф.* Доклад общему собранию членов Комитета по делам духовенства, назначенному на 5 августа 1920 г. (Отдел рукописей Государственного музея истории религии (далее — ОР ГМИР), ф. 2, оп. 4, д. 16, л. 5–5 об.
- ⁶⁷ Доклад Члена ВЦС протопресвитера Н. А. Любимова Священному Синоду и Высшему Церковному Совету об обстоятельствах допроса Патриарха (РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 25, л. 129–131 об.)
- ⁶⁸ «Основания и причины содержания Патриарха Тихона под домашним арестом» (без автора; январь 1920 г.) (Следственное дело Патриарха Тихона. С. 96–97).
- ⁶⁹ Цит. по: Послание Патриарха Тихона к духовенству... Л. 14–15.
- ⁷⁰ Следственное дело Патриарха Тихона. С. 654–657.
- ⁷¹ ГА РФ, ф. 353, оп. 4, д. 414, л. 1.
- ⁷² Докладная записка Филиппова А. В. в Государственное издательство (без даты, ориентировочно 20–21 октября 1919 г.) (ГА РФ, ф. 353, оп. 5, д. 232, л. 12–13).
- ⁷³ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ), ф. 17, оп. 112, д. 9. л. 97.
- ⁷⁴ Там же, оп. 163, д. 14, л. 3, 4 об.

- ⁷⁵ ГА РФ, ф. 353, оп. 3, д. 761, л. 1–2. Опубликовано по тексту машинописной копии, имеющей ряд опечаток по сравнению с текстом подлинника (См.: Следственное дело Патриарха Тихона. С. 81–83).
- ⁷⁶ РГАСПИ, ф. 19, оп. 1, д. 323, л. 20, 64–65.
- ⁷⁷ ГА РФ, ф. 353, оп. 5, д. 232, л. 27–27 об.; ЦА ФСБ России, д. Р–27993, л. 42 об.
- ⁷⁸ ГА РФ, ф. 353, оп. 5, д. 232, л. 40; ОР ГМИР, ф. 2, оп. 4, д. 147, л. 5–6.; ЦА ФСБ России, д. Р–27993, л. 33–33 об.
- ⁷⁹ ГА РФ, ф. 353, оп. 4, д. 379, л. 37.
- ⁸⁰ Отношение «Исполкомдуха» на имя Патриарха Тихона от 8 ноября 1919 г. (РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 192).
- ⁸¹ Отношение «Исполкомдуха» на имя заведующего VIII отделом Наркомюста П. А. Красикова от 23 августа 1920 г. (РГИА, ф. 353, оп. 5, д. 232, л. 36–38).
- ⁸² ОР ГМИР, ф. 2, оп. 4, д. 147, л. 5–6.
- ⁸³ ГА РФ, ф. 353, оп. 5, д. 232, л. 8.
- ⁸⁴ Там же, л. 7.
- ⁸⁵ Там же, л. 8.
- ⁸⁶ «Уведомление» Филиппова на имя Петроградского митрополита Вениамина (Казанского) от 1 сентября 1920 г. (ЦА ФСБ России, д. Р–27993, л. 26–26 об.).
- ⁸⁷ ЦА ФСБ России, д. Р–27993, л. 19–19 об.
- ⁸⁸ Заявление Филиппова в Президиум ВЧК, между 5 и 23 августа 1920 г. (ОР ГМИР, ф. 2, оп. 4, д. 147, л. 5–6).
- ⁸⁹ ЦА ФСБ России, д. Р–27993, л. 19.
- ⁹⁰ Заявление Филиппова, «заключенного при ВЧК в одиночке», народному комиссару юстиции Д. И. Курскому (без даты) (ЦА ФСБ России, д. Р–27993, л. 42 об.).
- ⁹¹ Заявление Филиппова комиссару юстиции Советской России от 29 августа 1920 г. (ЦА ФСБ России, д. Р–27993, л. 33 об.).
- ⁹² Письмо протопресвитера Н. А. Любимова Филиппову, после 8 ноября 1919 г. (РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 198).
- ⁹³ ГА РФ, ф. 353, оп. 5, д. 232, л. 1–4, 8–8 об.
- ⁹⁴ Заявление Филиппова комиссару юстиции Советской России от 29 августа 1920 г. (ЦА ФСБ России, д. Р–27993, л. 33 об.).
- ⁹⁵ Отношение «Исполкомдуха» на имя заведующего VIII отделом Наркомюста П. А. Красикова от 23 августа 1920 г. (ГА РФ, ф. 353, оп. 5, д. 232, л. 36–38).
- ⁹⁶ ЦА ФСБ России, д. Р–27993, л. 26–27.
- ⁹⁷ ОР ГМИР, ф. 2, оп. 4, д. 16, л. 5–5 об.
- ⁹⁸ ЦА ФСБ России, д. Р–27993, л. 24а.
- ⁹⁹ Докладная записка Филиппова Н. И. Троцкой (Отдел охраны музеев и памятников старины при Наркомпросе), начало сентября 1920 г. (ЦА ФСБ России, д. Р–27993, л. 38 об.).
- ¹⁰⁰ Там же, л. 38–38 об.
- ¹⁰¹ ЦА ФСБ России, д. Р–27993, л. 35 об.
- ¹⁰² Там же, л. 33.
- ¹⁰³ Там же, л. 23–27.
- ¹⁰⁴ Заявление Филиппова управляющему делами СНК В. Д. Бонч-Бруевичу от 20 июля 1920 г. (ГА РФ, ф. 353, оп. 5, д. 232, л. 40).
- ¹⁰⁵ РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 120, л. 3.
- ¹⁰⁶ ГА РФ, ф. 353, оп. 2, д. 708, л. 38–38 об.
- ¹⁰⁷ ЦА ФСБ России, д. Р–27993, л. 33.
- ¹⁰⁸ Там же, л. 48.
- ¹⁰⁹ Цит. по: «Необходимо делать все, чтобы унижить церковь в глазах народа». Докладная записка М. И. Лациса. 1920 г. / Публ., вступ. статья и коммент. М. Ю. Крапивина // Исторический архив. 2011. № 2. С. 91–102.
- ¹¹⁰ ЦА ФСБ России, д. Р–27993, л. 48.
- ¹¹¹ Заявление Филиппова в Президиум ВЧК, между 5 и 23 августа 1920 г. (ОР ГМИР, ф. 2, оп. 4, д. 147, л. 5–6).

- ¹¹² ЦА ФСБ России, д. Р–27993, л. 48.
- ¹¹³ ОР ГМИР, ф. 2, оп. 4, д. 116, л. 1–1 об.
- ¹¹⁴ ГА РФ, ф. 353, оп. 5, д. 232, л. 39–39 об.
- ¹¹⁵ ЦА ФСБ России, д. Р–27993, л. 20.
- ¹¹⁶ Там же, л. 50.
- ¹¹⁷ Там же, л. 33 об., 57–57 об.
- ¹¹⁸ Там же, л. 56–57 об.
- ¹¹⁹ По свидетельству внука А. Ф. Филиппова, супруга Алексея Фроловича — Мария Николаевна Шамраева посещала его на Соловках.
- ¹²⁰ Поскольку в анкетных сведениях за 14 сентября 1920 г. в графе «семейное положение» А. Ф. Филиппов указывал, что он холост, а Я. Э. Кушелевская в своем заявлении на имя Ф. Э. Дзержинского от 10 января 1921 г. также не называла Алексея Фроловича супругом (ЦА ФСБ РФ, д. Р–27993, л. 15–15 об., 54), можно предположить, что в официальных брачных отношениях Филиппов и Кушелевская находились с 1921 по 1924 г.
- ¹²¹ Там же, ф. 2, оп. 2, д. 2, л. 17, 60–60 об., 62; Ф. Э. Дзержинский — председатель ВЧК—ОГПУ. С. 518, 529, 693, 753, 789; *Хинштейн А. Е.* Тайны Лубянки. С. 152–153, 196–199.
- ¹²² Сведения внука А. Ф. Филиппова.
- ¹²³ ЦА ФСБ России, д. Р–21618, л. 8.
- ¹²⁴ 5 мая (22 апреля) 1919 г. из канцелярии Священного Синода председателю Московского епархиального совета В. И. Кедрову была передана «справка канцелярии Московского епархиального совета по делу архиепископа б[ывшего] Тобольского Варнавы с положенною Святейшим Патриархом 22-го сего апреля резолюцией следующего содержания: “Думалось, что распоряжение Священного Синода будет объявлено ему чрез тюремного священника Бутырской тюрьмы. Теперь архиепископ Варнава находится в Москве, Вознесенская ул., угол Немецкой, д. 20, квартира Никитиных, куда и надлежит без всякого промедления направить указ срочно. [Патриарх] Тихон”» (РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 149, л. 5). Патриарх и Священный Синод 19 и 26 мая 1919 г. приняли постановление «О мерах предупреждения допущения архиепископа Варнавы к священнослужению» (№ 545): «Слушали: 1) доклад Московского епархиального совета от 1/14 мая сего года за № 48 о том, что вследствие распоряжения Святейшего Патриарха два члена епархиального совета являлись по указанному Святейшим Патриархом адресу для вручения архиепископу бывшему Тобольскому Варнаве указа о запрещении его в священнослужении и представления затребованных от него объяснений, но... получили сообщение, что архиепископ Варнава отбыл без точного указания места назначения» (РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 149, л. 5, 10).
- ¹²⁵ РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 149, л. 9–9 об.
- ¹²⁶ Яков (Екаб) Христофорович Петерс (1886–1938 гг.), во время описываемых событий являлся членом Президиума ВЧК (декабрь 1917 г.— май 1919 г.), членом коллегии ВЧК (5 марта 1919 г.— 6 февраля 1922 г.), заместителем председателя ВЧК (22 июля 1918 г.— 5 марта 1919 г.), председателем Московского ревтрибунала (май — 12 июня 1919 г.).
- ¹²⁷ Абрам Яковлевич Беленький (Хацкелевич) (1882/83–1941 гг.), во время описываемых событий являлся сотрудником отдела ВЧК по борьбе с преступлениями по должности (1918–1919 гг.), начальником охраны председателя СНК РСФСР В. И. Ленина (1919–1924 гг.).
- ¹²⁸ Это обстоятельство упоминалось в письме Варнавы Патриарху Тихону (без даты, не позднее 19 мая 1919 г.) (РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 149, л. 7–8 об.). На письме Патриарх сделал помету, что он участвовал в заседании и потому не мог принять Варнаву. Письмо Варнавы заканчивалось словами: «Еще скажу тебе, Владыко, был час, когда я... очень возроптал. Это было, когда Вы прислали мне бумагу с благословением умирать мучеником безропотно и ни на какие вопросы не отвечать, и что Собор скоро поднимет вопрос о причислении меня и прочих к лику святых. Эта бума-

- га, не скрою, возмутила... меня». Рядом Патриарх поставил знак вопроса, на первой странице текста написал: «6/19 мая. К Священному Синоду. Тихон».
- ¹²⁹ РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 149, л. 10.
- ¹³⁰ Там же, л. 11–11 об.
- ¹³¹ Там же, д. 11, л. 130–130 об.; д. 149, л. 12 (на документе стоит подпись Варнавы, ознакомленного с постановлением).
- ¹³² Там же, д. 149, л. 13.
- ¹³³ Макариев Калязинский во имя Св. Троицы мужской монастырь.
- ¹³⁴ Заверенная Филипповым копия письма от Варнавы Филиппову (без даты) (ЦА ФСБ России, д. Р–21618, л. 10).
- ¹³⁵ ЦА ФСБ России, д. Р–21618, л. 12. Пометы Филиппова: «Надпись на иконе, препровожденной Ленину архиепископом Варнавой». «Верно. А. Филиппов». Копия надписи на конверте: «Владимиру Ильичу Ульянову. В Кремль. В благословение от архиепископа Варнавы».
- ¹³⁶ Там же, л. 26–28. Помета на 1-й странице: «Приблизительно воспроизведенное».
- ¹³⁷ Донесение Секретно-оперативного отдела Московской чрезвычайной комиссии (МЧК) в ЦК РКП(б) № 20236 от 5 августа 1919 г. (РГАСПИ, ф. 17, оп. 66, д. 71, л. 2–4). Приведена точная копия текста, содержащегося в деле ЦА ФСБ России, Р–21618 с вымаранными несколькими строками в 1-м абзаце: «К сожалению, лично я не присутствовал на богослужении, не предваренный Владыкою о том, что он будет говорить, но со слов присутствовавших там Ив. Ив. Никитина и А. Н. Сергеева воспроизведу содержание Слова».
- ¹³⁸ ЦА ФСБ России, д. Р–21618, л. 13–14. Надписи на машинописной копии письма (автографы Филиппова): «С подлинным верно: Алексей Филиппов» «Прим[ечание]: С. С. Титов — секретный сотрудник МЧК, из Петрограда, одно время интересовался от имени и по поручению г. Рославец вопросом духовенства. Прим[ечание] 2-е: Наталья (Рославец) — из МЧК» (Л. 14). Рославец — Наталья Алексеевна Устинова (1888–1957 гг.), в 1919–1920 гг. член Коллегии МЧК и начальник Отдела по борьбе с контрреволюцией МЧК.
- ¹³⁹ Телеграмма архиепископа Варнавы А. Ф. Филиппову от 22 августа и повторно от 25 августа 1919 г. (ЦА ФСБ России, д. Р–21618, л. 24–25).
- ¹⁴⁰ Рукописный черновик телеграммы Филиппова архиепископу Варнаве (без даты) (ЦА ФСБ России, д. Р–21618, л. 33). Зачеркнутые слова вычеркнуты в документе. На документе рукописная помета: «[неразборчиво] 20/VIII».
- ¹⁴¹ Несколько слов написаны неразборчиво.
- ¹⁴² Копия письма архиепископа Варнавы Филиппову от 18 августа 1919 г. (ЦА ФСБ России, д. Р–21618, л. 23).
- ¹⁴³ Машинописная копия письма Варнавы Филиппову, заверенная Филипповым (без даты) (ЦА ФСБ России, д. Р–21618, л. 19–20 об.). «Примечание. Сычев (подчеркнуто в документе. — М. К.) — коммунист... (далее неразборчиво), работает в [Лепинском (?)] волостном (Царицыно) совдепе, знаток церковного дела, хороший народный оратор и вожак рабочих (бывший кожевнный рабочий в Москве)».
- ¹⁴⁴ Скорее всего, речь идет о Ф. Э. Дзержинском.
- ¹⁴⁵ Машинописная копия письма архиепископа Варнавы Филиппову, заверенная Филипповым (без даты) (ЦА ФСБ России, д. Р–21618, л. 16–18).
- ¹⁴⁶ Письмо Натальи Алексеевны Захаровой, кастелянши Тверской глазной больницы, А. Ф. Филиппову от 22 августа 1919 г.: «Мои впечатления, вынесенные в поездке в Троицкий мужской монастырь преподобного Макария в Калязине. 11 августа сего года приехала в монастырь преподобного Макария, и вот какое впечатление осталось у меня. Народ относится к вновь назначенному Владыке Варнаве сочувственно и доверчиво. Слушает его проповеди, которые сводятся к тому, чтобы не идти против, а именно помогать нашей Советской власти, и тогда только пойдет все хорошо и все у нас будет. Молящихся в монастыре прибывает с каждым днем все больше и больше. 5-го августа был крестный ход из монастыря в Калязин. Несмотря на проливной дождь, Владыка сам проводил его до собора, служил всенощную, а 6-го —

обедню. После литургии обошел крестным ходом вокруг города при громадном стечении народа. Во время обедни сказал Слово, в котором указал на то, что правители работают на благо России и что работа их в скором времени принесет плоды. Несмотря на все слова Владыки, местные власти относятся к Владыке не так, как бы следовало. Например, приходят штатские молодые люди и от имени комиссара требуют очищения квартиры, которую занял Владыка, а также помещения, которое занимал на месте и казначей монастыря. После трех таких посещений сказано к 24 августа очистить непременно эти три квартиры. Владыка перебрался [в] маленькие три комнатки, очень неудобные, вместе с отцом Олегом. 17 августа пришел посланный из комиссариата народного просвещения, требуя от Владыки два ковра и пять столов. Ковры требовались для спектакля, но столы пока оставили, т[ак] к[ак] время еще терпит. Все это вместе взятое очень смущает народ. Так, несколько человек подошли ко мне: «Почему же это, матушка, так Владыку обижают, вот, выгнали из квартиры, берут у него все, что вздумается им, а он еще за них молится и велит им слушаться и подчиняться?». Пришлось ответить так: «Вот и берите пример с Владыки и сами поступайте так же, как он, и все уладится и будет хорошо». Владыку это все страшно волнует, и он очень плохо себя чувствует. Захарова. 22-го августа 1919 года» (ЦА ФСБ России, д. Р-21618, л. 29–30 об.).

¹⁴⁷ ЦА ФСБ России, д. Р-21618, л. 9.

¹⁴⁸ «Дело от июля 1919 г. о архиепископе Варнаве, обвиняемом в к[онтр]р[еволюционной] агитации» завершается «Заключением» от 1 февраля 1921 г., в котором записано, что «7-е отделение СО ВЧК постановило дело прекратить и сдать в архив» (ЦА ФСБ России, д. Р-21618, л. 34).

¹⁴⁹ «Необходимо делать все, чтобы унижить церковь в глазах народа». Докладная записка М. И. Лациса. 1920 г. С. 91–102.

¹⁵⁰ ГА РФ, ф 353, оп. 3, д. 740, л. 68.

¹⁵¹ Там же, л. 67.

¹⁵² Там же, л. 68.

¹⁵³ Там же, оп. 5, д. 232, л. 42–42 об.

¹⁵⁴ Там же, оп. 3, д. 740, л. 66–66 об.

¹⁵⁵ Там же, оп. 5, д. 232, л. 36; ЦА ФСБ России, д. Р-27993, л. 33 об.

¹⁵⁶ Письмо А. В. Луначарского В. И. Ленину от 30 ноября 1920 г.: «По его (Путяты.— М. К.) словам, известный архиепископ — Огородник Варнава уже целиком стал на его сторону» (РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 16341, л. 1–1 об.).

¹⁵⁷ Из письма Путяты высокопоставленному сотруднику ВЧК (апрель 1920 или 1921 г.): «Очень прошу Вас передать или переслать прилагаемое письмо арх[и]епископу Варнаве: его можно найти по телефону 1–22–51 (номер телефона «Исполкомдуха», являвшийся также и телефоном МЧК; см.: ГА РФ, ф. 353, оп. 5, д. 232, л. 8 об.— М. К.), если он в Москве. Потрудитесь побеседовать с ним и уговорить приехать мне на смену, чтобы я был свободен и мог, не беспокоясь за свою паству, выехать для совместной работы с Вами» (ЦА ФСБ России).

¹⁵⁸ «Необходимо делать все, чтобы унижить церковь в глазах народа». Докладная записка М. И. Лациса. 1920 г. С. 91–102.

¹⁵⁹ Павлова А., Пивоваров Б., *прот.* Указ. соч. С. 652–653.

¹⁶⁰ Церковная хроника. 1921. 15(28) октября (ОР ГМИР, ф. 4, оп. 2, д. 91, л. 9).

¹⁶¹ Окунев Н. П. Дневник москвича, 1917–1924 гг.: В 2 кн. Кн. 2. М., 1997. С. 200.

¹⁶² Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. / Сост. и коммент. Н. Н. Покровского и С. Г. Петрова: В 2 т. М.; Новосибирск, 1997–1998. Т. 2. С. 48.

¹⁶³ Павлова А., Пивоваров Б., *прот.* Указ. соч. С. 652–653.